

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.А. Зудина

**ДИНАМИКА СУБЪЕКТИВНОГО
СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА
ПРИ ПОТЕРЕ РАБОТЫ:
АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
РАЗЛИЧИЙ**

Препринт WP3/2015/06

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
2015

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Зудина, А. А.

Динамика субъективного социального статуса при потере работы: анализ профессиональных различий [Электронный ресурс]: препринт WP3/2015/06 / А. А. Зудина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (1 Мб). – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 52 с.

Исследования последствий потери работы, выполненные социологами и экономистами, свидетельствуют о том, что она приводит к значительному ухудшению уровня дохода, удовлетворенности жизнью и жизненных шансов индивида. Потеря работы значимо влияет и на представления индивида о собственном месте в обществе. Однако открытым является вопрос о том, какова динамика субъективного социального статуса при потере работы у представителей разных профессий. Учитывая значительную неоднородность содержания и характера трудовой деятельности, эффект профессий на динамику субъективного социального статуса в случае потери работы может быть неодинаковым. Выделяются ли профессии, для представителей которых потеря работы наиболее болезненна? Различается ли безработица и экономическая неактивность с точки зрения своих последствий для динамики восприятия представителей различных профессиональных групп?

Исследование выполнено на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения ВШЭ за 2000–2012 гг. На первом этапе рассматривалась динамика средних самооценок безработных и экономически неактивных респондентов в разрезе предшествующей профессиональной группы. На втором этапе исследования при оценивании панельных регрессий с фиксированными эффектами были получены оценки влияния предшествующей профессиональной группы на самооценки социального положения безработного и экономически неактивного населения. Результаты исследования позволили уточнить представления о «социальном штрафе» потери занятости в современной России и социальном положении различных профессиональных групп.

Ключевые слова: субъективный социальный статус, социальная стратификация, безработица, потоки рабочей силы, профессии, панельные данные, РМЭЗ ВШЭ

JEL: J28, J32, J69, Z13

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Зудина А. А., 2015
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

Введение¹

Исследования последствий потери работы, выполненные социологами, психологами и экономистами, свидетельствуют о том, что она сопряжена со значительным ухудшением положения индивида. Оно может проявляться не только в виде непосредственной утраты трудового дохода и уменьшения вероятности найти новую работу, но и в значительном снижении самооценки собственного положения в самых различных областях [Hepworth, 1980; Jahoda, 1982; DiPrete, McManus, 2000]. В частности, потеря работы значительно ухудшает представления индивида о занимаемом им месте в обществе, что, в свою очередь, может приводить к существенному изменению поведения и восприятия в самых различных сферах. Однако открытым является вопрос о том, какова динамика представлений о своем месте в обществе при потере работы у представителей разных профессий. Учитывая значительную неоднородность содержания и характера трудовой деятельности, эффект профессиональной принадлежности на динамику субъективного социального статуса в случае потери работы может быть неодинаковым. Для каких профессиональных групп потеря работы оказывается более болезненной с точки зрения падения самооценки своего места в обществе? С какой ступени профессиональной лестницы при потере работы падать «больнее»?

Целью настоящей работы является выявление возможного влияния профессии, к которой индивид принадлежал до потери работы, на динамику субъективного социального статуса после потери работы. Результаты исследования позволят уточнить представления о «социальном штрафе» потери занятости в современной России и социальном положении различных профессиональных групп. Важное различие будет проводиться между двумя возможными типами потери работы: 1) переходом в безработицу, по определению сопряженным с активным поиском работы; и 2) переходом в экономически неактивное состояние, которое означает полный уход с рынка труда.

1. «Неденежные» штрафы потери работы: обзор исследований

Переходы из состояния занятости в безработицу или экономическую неактивность являются одними из важнейших потоков рабочей силы на рынке труда. Они обеспечивают

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает признательность за ценные замечания и комментарии В.Е. Гимпельсону, В.В. Радаеву, А.Ю. Ощепкову, П.В. Травкину, Н.С. Снежковой, а также всем участникам совместного семинара Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ) и Центра трудовых исследований (ЦеТИ) НИУ ВШЭ 31 марта 2015 г.

возможность подстройки рынка труда к кризисным явлениям экономики, приводя предложение труда в соответствие со снизившимся спросом на него со стороны работодателей.

Изучение последствий безработицы традиционно вызывает большой интерес экономистов, социологов и психологов. Анализируя последствия потери работы, экономисты преимущественно рассматривают динамику доходов и уровня потребления. Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что потеря работы сопряжена не только с немедленным снижением уровня доходов и потребления, но и с долговременными финансовыми «шрамами» – новое рабочее место зачастую характеризуется более низкой оплатой труда [World Development Report, 2013].

Однако последствия безработицы не исчерпываются лишь снижением уровня индивидуального или семейного дохода. Принципиальное значение имеет то, что потеря работы означает утрату одной из ключевых составляющих формирования социальной идентичности в современном мире [Jahoda, 1982; World Development Report, 2013]. Переход в безработицу сопряжен со значительной переоценкой собственных возможностей и жизненных шансов [DiPrete, McManus, 2000]. Неденежный штраф безработицы включает возникновение острого чувства неудачи и неуверенности относительно траектории дальнейшей социальной мобильности и собственных возможностей [Jahoda, 1982; Newman, 1999], снижение самооценки, увеличение психологического напряжения, а также низкую удовлетворенность новой найденной работой [Herpworth, 1980; Knabe, Ratzel, 2011; Young, 2012]. Данные негативные характеристики объясняются утратой значимой части собственной идентичности, связанной с восприятием собственных способностей достигать и создавать². По этой причине при изучении последствий безработицы исследователи уделяют большое внимание характеристикам субъективного благополучия, которое в экономических исследованиях рассматривается в качестве формы индивидуальной полезности³. Наличие у безработных нетрудового дохода, выплата пособия по безработице и нахождение работы несколько компенсируют падение в субъективном благополучии, однако его прежний уро-

---

² Однако само наличие занятости может не гарантировать высокой самооценки. Соответствующие исследования по рынку труда США демонстрируют, что переход в низкооплачиваемую занятость из высокооплачиваемой приводит к негативным последствиям для самовосприятия, которые сопоставимы с падением самооценки в связи с получением статуса безработного [Young, 2012].

³ Операционализируя данный показатель, исследователи либо рассматривают его через призму психического здоровья [Whelan, 1992; Hald Andersen, 2009], либо используют показатель удовлетворенности жизнью [Winkelmann, Winkelmann, 1998; Clark, Oswald, 2002]. В некоторых случаях несколько разных показателей используются одновременно. Так, в работе [Stiglitz, Sen, Fitoussi, 2009] отмечается, что потеря работы ведет как к ухудшению самооценок удовлетворенности жизнью, так и к проявлению таких негативных психологических эффектов, как стресс и грусть.

вень зачастую не восстанавливается. Степень воздействия безработицы на размер падения субъективного благополучия варьируется по странам и во многом зависит от социальной приемлемости состояния безработицы [Mavridis, 2012]. К примеру, исследование [Clark, 2003] показало, что в Великобритании в регионах с высокой молодежной безработицей потеря работы значимо не сказывается на субъективном благополучии молодых людей, т.е. это является социальной нормой.

С точки зрения последствий для социального положения и самовосприятия индивидов безработица значимо отличается от экономической неактивности. Переход в экономически неактивное состояние практически не сказывается на уровне субъективного благополучия, несмотря на то, что, как и безработица, сопряжен со значительным снижением уровня доходов. Перемещения из состояния занятости в состояние экономической неактивности, как правило, в большей степени ассоциируются с добровольным выбором индивидов, отвечающим их текущим целям и предпочтениям по прерыванию или прекращению трудовой карьеры (создание семьи, воспитание ребенка, получение образования, достижение пенсионного возраста). Тем самым индивиды обретают социальный статус, который оказывается сопоставимым с положением занятых, и легитимное обоснование для «незанятости» в глазах общества, не ассоциирующееся с неудачей или личными недостатками [Young, 2012]. Исключение составляют те индивиды, для которых переход в неактивность носит вынужденный характер (из-за сокращений на предприятии или по состоянию здоровья) [Barrett, Kесmanovic, 2012; Bonsang, Klein, 2011; Calvo et al., 2011]. Так, вынужденный выход на пенсию по своим последствиям для субъективного благополучия практически соответствует ситуации безработицы – и в том, и в другом случае индивиды не являются занятыми, хотя хотели бы этого [Bonsang, Klein, 2011]⁴. Снижается субъективное благополучие и у тех индивидов, которые были вынуждены выйти на пенсию раньше [Börsch-Supan, Jürges, 2006] или позже [Calvo et al., 2011] законодательно установленного срока. Таким образом, большую роль в динамике субъективного благополучия играют культурные и институциональные нормы, маркирующие определенные возраста как наиболее желательные для совершения тех или иных ключевых событий в жизни (начало и окончание

---

⁴ Интересно, что выход на пенсию из состояния безработицы сопровождается значительным улучшением показателей субъективного благополучия, несмотря на то, что объективные условия существования могут остаться неизменными [Hetschko et al., 2011]. При совершении данного перехода у бывших безработных меняется основание для формирования представлений о своей социальной идентичности (с безработицы на «оправданную» пенсию), которое теперь в большей степени соответствует ожиданиям общества. Тем самым восстанавливается комфортность поведения индивида по отношению к существующей в обществе норме на наличие занятости и одобряемые варианты ее отсутствия.

формального образования, выход на рынок труда, вступление в брак, рождение ребенка, выход на пенсию) [Settersten, 1998]).

2. Профессия и положение в социальной структуре

При анализе потерь в субъективном благополучии, происходящих при переходе в статус безработного, исследователи уделяют особое внимание влиянию профессиональной принадлежности индивида⁵. Почему профессия имеет такую важность? Результаты многочисленных социологических исследований, выполненных в рамках социологии профессий и занятий, свидетельствуют о том, что профессия – основная социальная роль индивида, которая определяет, как именно он будет играть все остальные. Одной из классических работ является книга Питирима Сорокина “Social and Cultural Mobility” [1959], в которой он заключает, что профессия человека влияет на особенности всего комплекса восприятия окружающего мира – от оценок, верований и практических суждений до этики и идеологии [Sorokin, 1959].

Одним из основных теоретических источников социологии профессий и занятий являются различные направления социальной стратификации [Абрамов, 2013], благодаря чему профессиональная структура зачастую рассматривается в качестве эмпирического инструмента изучения социальной иерархии [Мансуров, Юрченко, 2009]. Особую роль здесь играет теория Э. Дюркгейма о разделении общественного труда, в рамках которой высокое социальное положение занимают индивиды, занимающиеся наиболее важными с точки зрения функционирования общества видами деятельности [Дюркгейм, 1996]. Современные количественные исследования социальной стратификации также зачастую интерпретируют профессии в качестве базового эмпирического индикатора положения индивида в обществе. Некоторые широко применяемые стратификационные схемы построены на иерархии профессиональных групп, существующих в конкретном обществе (к примеру, International Socio-Economic Index of Occupational Status (ISEI) основан на Международной стандартной классификации профессий). Общая логика расположения занятий в подобных стратификационных шкалах основана на различиях в характере труда и требуемой квалификации [Бессуднов, 2009]. При этом профессии умственного труда располагаются выше, чем профессии физического труда, а высококвалифицированные специалисты – как правило, выше, чем менеджеры [Chan, Goldthorpe, 2004].

---

⁵ В фокусе исследований влияния предшествующей профессиональной группы на динамику самооценок находятся безработные. Аналогичных исследований по представителям экономически неактивного населения, которые бы анализировали влияние прошлой профессии на самовосприятие, обнаружено не было.

3. Роль предшествующей профессиональной принадлежности при потере работы

Итак, социологические исследования показывают, что профессия индивида имеет преимущественное значение для определения его места в социальной структуре. Однако сам по себе факт занятости не является универсальной характеристикой социальной жизни и идентичности индивида, которая бы оказывала одинаковое воздействие на его субъективное благополучие. Разнообразные теоретические направления рассматривают различия в содержании трудовой деятельности, ее условиях, оплате и значимости⁶, уровне жизни⁷ представителей разных профессии, которые приводят к различиям последствий потери работы для динамики самовосприятия [Broschak, Davis-Black, Block, 2008; Fineman, 1983; Johnson et al., 2007; Kessler, Cleary, 1980; Strully, 2009].

Существующие эмпирические исследования представляют разрозненную картину фактов о взаимосвязи предшествующей профессиональной группы и субъективного благополучия после потери работы. Так, [Payne, Warr, Hartley, 1984] показывают, что, несмотря на разный уровень финансового обеспечения, безработица уравнивает различия между представителями профессиональных групп в восприятии собственного благополучия. Однако важно уточнить, что проведенный авторами эмпирический анализ носил в большей степени описательный характер, а выборка исследования не включала руководителей и высококвалифицированных работников. Более аккуратное сравнение различных самооценок субъективного благополучия представителей различных профессиональных групп после потери работы, основанное на применении регрессионного анализа, было получено в исследовании [Whelan, 1994]. Была выявлена значимо большая уязвимость субъективного благополучия мужчин, принадлежащих к низкоквалифицированным профессиям, по сравнению с мужчинами, занятыми более квалифицированным трудом. В свою очередь, относительно недавнее исследование [Hald Andersen, 2009], проведенное на данных панельного обследования WHPS, продемонстрировало, что наиболее сильное падение самооценок благополучия наблюдается среди индивидов, находящихся на срединных позициях профессиональной лестницы. Безработные, которые до потери работы находились на самых высо-

---

⁶ Так, для представителей профессий, в наибольшей степени связывающих свою идентичность с занятостью, потеря работы оказывается наиболее болезненной.

⁷ К примеру, работники низкой квалификации испытывают более сильное физическое и психическое напряжение, связанное с разнообразными индивидуальными ресурсными ограничениями, затрагивающими как денежное вознаграждение, так и доступ к социальной поддержке. В результате они оказываются более восприимчивыми и уязвимыми с психологической точки зрения и острее реагируют на потерю работы, которая рассматривается в качестве одного из самых сильных экономических шоков [Kessler, House, Blake Turner, 1987].

ких и самых низких позициях профессиональной лестницы, характеризовались менее выраженным падением уровня своего субъективного благополучия. Автор исследования предположил, что подобные результаты могут объясняться действием компенсирующих механизмов, смягчающих падение самооценок работников различных профессий. Для тех, кто занимает высокие профессиональные позиции, потеря работы – это утрата источника стресса, связанного с характером занятости (объем полномочий, ответственность), которая оказывает позитивное воздействие на самооценку благополучия. Для тех, кто находится на нижних ступенях профессиональной иерархии, занятость сопряжена с низкой удовлетворенностью работой и низким субъективным благополучием, связанных с качеством рабочих мест, в результате потери которых значительного падения самооценок не возникает.

Разброс эмпирических оценок в представленных исследованиях во многом объясняется тем, что влияние различных параметров рабочих мест в ситуации потери занятости может проявляться на субъективном благополучии разнонаправленно. Это представляется недостатком данного подхода, неспособного четко сформулировать теоретические предпосылки.

В этом отношении продуктивным представляется сужение фокуса исследования – изучение последствий потери работы для различных профессиональных групп через призму показателя субъективного социального статуса. Данный индикатор описывает представление индивида о собственном месте в обществе. В отличие от показателя субъективного благополучия, на который влияет множество различных факторов, связь представлений о собственном месте в обществе и положении на рынке труда является однонаправленной, ведь наличие занятости – ключевая составляющая субъективного социального статуса [Centers 1949; Goldman et al., 2005; Gross, 2003; Lindemann, 2007]. Важно подчеркнуть, что данная тема ранее не рассматривалась ни в эмпирических исследованиях самооценок социального положения, ни в исследованиях последствий потери работы.

4. Понятие субъективного социального статуса

Понятие субъективного социального статуса возникло в рамках социологического направления, посвященного изучению социальной стратификации [Leggett, 1963; Ossowski, 1963; Lewis, 1964; Jackman, Jackman, 1973; Laumann, Senter, 1976]. Оно отражает восприятие индивидом собственного места в социальной иерархии [Jackman, Jackman, 1973] и измеряется при помощи шкального вопроса, в рамках которого респондента просят указать свое положение в обществе в пространстве 9 или 10 рангов, где «1» – самая низшая ступень, а 9 (или 10) – самая высшая [Kelley, Evans, 1995; Adler et al., 2000]. Для более подробного изучения особенностей восприятия социальной стратификации исследователи

также используют самооценки, полученные при ответах на вопросы о нескольких различных аспектах социального положения (воспринимаемый уровень влияния на других, стиль жизни, доход, профессия) [Kluegel et al., 1977], хотя данный подход является менее распространенным.

Исследования показывают, что субъективный социальный статус характеризует положение индивидов в обществе и предоставляет важную информацию о социальной структуре и социальной динамике, которая не исчерпывается характеристиками денежных доходов и материального благосостояния. Люди, оценивающие свое социальное положение определенным образом, в своем поведении зачастую следуют тем практикам, которые оказываются принятыми среди представителей социального статуса, который они воспринимают как сходный [Hout, 2008]. Такие практики из самых разных сфер (круг общения, потребление определенных товаров и услуг, способы проведения досуга, выбор образования для детей) образуют их стиль жизни и, в свою очередь, влияют и на электоральные предпочтения [Carmines, Stanley, 1992], восприятие легитимности экономической и политической системы [Della Fave, 1980; Shepelak, 1987]⁸.

Профессия и положение на рынке труда традиционно рассматриваются в качестве ключевых факторов субъективных оценок социального статуса наряду с образованием и уровнем дохода [Jackman, 1979]. Однако их значимость оказывается выше в англосаксонских странах по сравнению с другими странами Запада [Gross, 2003]. При этом управленцы и высококвалифицированные профессионалы высоко оценивают свое социальное положение вне зависимости от особенностей профессиональной структуры конкретного рынка труда, а самооценки безработных оказываются ниже самооценок занятых [Lindemann, Saar, 2014].

Согласно предшествующим исследованиям, потеря работы сопряжена со значительным ухудшением показателя субъективного социального статуса [Singh-Manoux et al., 2003; Зудина, 2013]. Исследование, проведенное на панельных данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 2000–2010 гг., показывает, что безработные обладают наиболее низкими самооценками социального положения из всех возможных категорий статусов на рынке труда. Переход из состояния формальной занятости в состояние безработицы сопровождается наиболее глубоким падением самооценок социального положения, которые в отдельных случаях достигают 0,5 балла по 5-балльной шкале самооценки. Переход из формальной занятости в состояние экономи-

---

⁸ Подробный обзор эмпирических исследований субъективного социального статуса представлен в [Зудина, 2013].

ческой неактивности также сопряжен со значимой негативной динамикой восприятия собственного места в обществе, хотя и носит менее выраженный характер [Зудина, 2013].

Итак, безработица и экономическая неактивность оказывают значительное воздействие на самооценку социального положения. Однако, несмотря на установление определенных эмпирических закономерностей, связь между потерей работы и самооценками социального статуса остается недостаточно изученной. В частности, остается открытым вопрос о том, какова динамика субъективного социального статуса представителей разных профессий, которые потеряли работу? Выделяются ли профессии, для представителей которых потеря работы наиболее болезненна? Как различается безработица и экономическая неактивность с точки зрения своих последствий для динамики восприятия представителей различных профессиональных групп?

В данной работе планируется провести исследование того, является ли профессиональная группа, к которой индивид принадлежал до потери работы, значимым фактором динамики его субъективного социального статуса. Результаты исследования позволят уточнить представления о «социальном штрафе» безработицы и экономической неактивности в современной России и социальном положении различных профессиональных групп.

Помимо этого, использование показателей субъективного социального статуса обладает определенными методологическими достоинствами. На наш взгляд, оно позволит нивелировать возможное влияние уровня стресса и психологических нагрузок, связанных с занятостью высококвалифицированных профессионалов. Как было показано выше, потеря работы для представителей ряда высококвалифицированных профессий может обладать позитивными последствиями с точки зрения удовлетворенности жизнью, так как означает исчезновение постоянного источника стресса. Однако самооценка положения в обществе должна быть в гораздо меньшей степени подвержена позитивному влиянию исчезновения источника психологических нагрузок, связанных с выполнением профессиональных обязанностей. Тем самым представляется, что данный индикатор обладает большими объяснительными возможностями по сравнению с показателем субъективного благополучия.

5. Эмпирическая база исследования и методология анализа

Эмпирическую базу исследования составляют данные Российского мониторинга экономики и здоровья Высшей школы экономики (РМЭЗ НИУ ВШЭ)⁹ за 2000–2012 гг. Оно представляет собой ежегодное панельное обследование домохозяйств, которое прово-

---

⁹ Подробное описание проекта на сайте НИУ «Высшая школа экономики» <<http://www.hse.ru/flms/>>.

дится с 1992 г. и является международным проектом, осуществляемым Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле (США) и Института социологии РАН. База данных содержит подробную информацию о социально-демографических и профессиональных характеристиках респондентов, положении на рынке труда, особенностях занятости, потреблении, финансовом поведении, здоровье, удовлетворенности жизнью и работой. В анкете также присутствуют вопросы, направленные на изучение самооценки социального положения, которые представляют ключевой интерес в контексте настоящей работы.

Сбор данных происходит на основе общенациональной репрезентативной выборки по стране объемом около 4 тыс. домохозяйств. В 2010 г. размер выборки был увеличен в 1,5 раза. Данная база данных является репрезентативной по России в целом, однако нерепрезентативна по регионам. Панельный характер данных РМЭЗ НИУ ВШЭ имеет большое значение в контексте настоящего исследования, так как позволяет анализировать перемещения работников на рынке труда из состояния занятости в безработицу и экономическую неактивность и связанные с ними изменения в самооценках социального положения.

Для выборки настоящего исследования отбирались респонденты старше 15 лет.

Объектом исследования выступали безработные и экономически неактивные индивиды на российском рынке труда, принадлежащие до потери работы к различным профессиональным группам.

Безработица определялась в соответствии с рекомендациями Международной организации труда (МОТ): отсутствие работы, ее поиск и готовность к ней приступить в случае нахождения.

Определение экономической неактивности также следовало критериям МОТ: отсутствие работы и отказ от ее поиска.

Под предшествующей профессиональной группой подразумевалась профессиональная принадлежность индивида (рассматривался первый уровень классификации профессий ISCO), указанная им при описании особенностей собственной занятости в году, предшествовавшему получению статуса безработного или экономически неактивного. Таким образом, под предшествующей волной понималось обследование, проводившееся за год до того, как респондент был классифицирован как безработный (или неактивный).

Тем самым имплицитно предполагалось, что индивид не менял профессиональную группу с момента прошлого обследования и до момента потери занятости¹⁰.

Если данные о профессиональной принадлежности безработных (или экономически неактивных) респондентов отсутствовали в предшествующей волне обследования РМЭЗ ВШЭ, либо в предшествующей волне они также не были заняты, то из объекта исследования такие индивиды исключались.

Предметом исследования являлись самооценки социального положения безработных и экономически неактивных респондентов.

Настоящее исследование использует подход, предложенный в [Зудина, 2013], в котором в качестве индикаторов самооценки социального положения были использованы несколько вопросов регулярной анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ. В рамках этих вопросов респондентов просили указать свое положение в обществе в соответствии со степенью обладания определенными характеристиками – благосостоянием, властью и уважением. Эта степень измерялась по 9-балльной шкале.

Точные формулировки вопросов приводятся ниже:

«Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитеесь сегодня Вы лично?».

«А теперь представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитеесь сегодня Вы лично?».

«И еще одна лестница из 9 ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей – те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитеесь сегодня Вы лично?».

Использование данных трех показателей соответствует веберовскому пониманию социального неравенства, согласно которому положение в обществе измеряется множеством атрибутов и не сводится к единому континууму. М. Вебер подчеркивал многопараметрический характер социального неравенства и выделял три основные автономные

---

¹⁰ Анализ усредненной матрицы переходов между профессиональными группами в целом обосновывает справедливость данного предположения. По подавляющему большинству профессиональных групп более 70% занятых сохраняли свою профессиональную принадлежность в следующем периоде. Некоторое исключение составляла только группа руководителей – показатель «воспроизводства» данной категории занятых составлял немногим менее 68%. Тем не менее нельзя исключать возможность влияния ненаблюдаемых различий, которые приводят к тому, что будущие безработные меняют профессиональную принадлежность интенсивнее, чем те, кто остается занятым в следующем периоде.

сферы его формирования: благосостояние, власть и уважение [Weber, 1966]. Можно предположить, что переход в безработицу или экономическую неактивность будет влиять на восприятие каждой из этих составляющих.

Как отмечалось выше, наиболее распространенной методикой измерения самооценки социального положения является использование одного шкального индикатора, описывающего восприятие респондентами своего места в социальной структуре в целом. Тем не менее одновременно могут использоваться и несколько отдельных шкал, каждая из которых измеряет отдельный аспект проявления неравенства. Последний вариант отражает особенности составления анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ. При проведении анализа было решено не конструировать единый показатель самооценки при помощи факторного анализа по методологическим причинам. Во-первых, тем самым из рассмотрения был бы упущен многопараметрический характер социального неравенства. Во-вторых, методы снижения размерности ведут к потере значимой информации о вариации показателей, которая в контексте исследования, посвященного изучению самооценок, представляет ключевой интерес. В-третьих, необходимо отметить неизбежные сложности содержательной интерпретации подобного единого показателя самооценки социального положения, который был бы получен в результате факторного анализа.

Число наблюдений по безработным респондентам, которые были занятыми в предыдущей волне и предоставили данные о своей профессиональной принадлежности, за 2000–2012 гг. составляло 1282 человека. Число интересующих нас наблюдений в каждой из волн по отдельности соответствовало 25–30% от числа всех безработных, наблюдавшихся в данной волне. Таким образом, большую часть безработных в каждой волне обследования составляли индивиды, не являвшиеся занятыми в предыдущей волне.

Количество наблюдений по экономически неактивным респондентам, которые были заняты в предыдущем году и ответили на вопрос о своей профессиональной принадлежности, составляло 3165 человек за 2000–2012 гг. Число интересующих нас наблюдений в каждой из волн по отдельности соответствует примерно 6% от числа всех экономически неактивных респондентов в данной волне обследования. Тем самым подавляющее большинство экономически неактивных респондентов также не являлось занятым в предыдущей волне обследования.

Эмпирический анализ был проведен в несколько последовательных стадий. Первая стадия предполагала использование простых дескриптивных методов (изучение матриц перехода и таблиц сопряженности, анализ средних значений и тестов значимости различий). Вначале была проанализирована профессиональная структура безработных и экономически неактивных респондентов согласно данным о последней профессиональной

принадлежности. Были также рассмотрены матрицы переходов, показывающие средние доли индивидов в каждой профессиональной группе, которые теряют работу в следующем периоде. Таким образом определялись профессии, представители которых наиболее часто становятся безработными и экономически неактивными.

После этого рассматривалась динамика средних самооценок социального положения безработных и экономически неактивных в зависимости от предшествующей профессиональной группы, выделялись группы, в которых падение самооценки социального положения было наиболее выраженным. Данный этап позволил, в частности, установить общую картину распределения самооценок бывших представителей различных профессиональных групп, а также оценить, насколько сильно изменяются средние самооценки представителей различных профессий при потере работы, и является ли это изменение значимым.

Второй этап предполагал использование более сложных эконометрических техник – оценивались модели с фиксированными эффектами¹¹. Данная эконометрическая модель широко используется исследователями при изучении субъективных последствий потери работы (см., например, [Knabe, Ratzel, 2011; Mavridis, 2012]). Оценивание регрессионной модели с фиксированными эффектами предполагает анализ данных об изменении значений зависимой переменной, происходящих в ответ на динамику независимых параметров одного и того же индивида на панельных данных [Wooldridge, 2002]. Тем самым становится возможным моделирование последствий перемещения в безработицу или экономическую неактивность из состояния занятости в различных профессиональных группах для одних и тех же индивидов. Именно оно представляет ключевой интерес в контексте настоящей работы. Одним из основных достоинств модели с фиксированными эффектами является устранение влияния неизменных индивидуальных ненаблюдаемых характеристик, которые могут приводить к смещениям в получаемых оценках. Эти ненаблюдаемые индивидуальные характеристики могут влиять как на вероятность потери работы, так и на уро-

---

¹¹ Признавая порядковый характер зависимой переменной, мы, тем не менее, оценивали линейные модели с фиксированными эффектами, которые используются в тех случаях, когда зависимые переменные и случайные ошибки имеют нормальное распределение (т.е. для интервальных данных). Оценивание таких моделей на порядковых данных потенциально может приводить к получению смещенных коэффициентов. Однако в рамках настоящего анализа использование линейных моделей с фиксированными эффектами было продиктовано необходимостью установить факт наличия значимого влияния перехода из определенной профессиональной группы в безработицу и самооценками социального положения. Помимо этого, значительный корпус эмпирических исследований порядковых субъективных индикаторов свидетельствует о большом сходстве оценок, получаемых при помощи линейных моделей с фиксированными эффектами и панельном порядковом логите (или пробите).

вень самооценки собственного статуса, поэтому при изучении субъективных последствий потери работы их учет представляет особую важность¹².

В настоящей работе данные 13 волн обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ были объединены в одну несбалансированную панель, а потом разделены на две отдельные подвыборки в зависимости от типа незанятости респондента. В первую подвыборку были отобраны только те индивиды, которые были безработными в периоде t , но в предшествующем периоде ($t - 1$) имели работу; во вторую подвыборку – индивиды, которые были экономически неактивны в период t , но заняты в период $t - 1$. Соответственно, модели с фиксированными эффектами были оценены отдельно на каждой из этих двух подвыборок.

Общая спецификация линейной модели с фиксированными эффектами имеет следующий вид:

$$y_{it} = \alpha_i + X_{it}\beta + \varepsilon_{it}, \quad (5.1)$$

где y_{it} – зависимая переменная для наблюдения i в момент времени t (одна из трех самооценок социального положения, например, субъективное уважение), X – набор независимых объясняющих переменных, β – оценки параметров, α_i – индивидуальный эффект наблюдения i , не зависящий от времени t , ε_{it} – случайная ошибка.

Зависимой переменной выступали различные индикаторы самооценки социального положения – оценивались три отдельных уравнения по числу интересующих показателей субъективного социального статуса.

Ключевой независимой переменной в контексте работы был индикатор, описывающий все возможные варианты перехода из состояния занятости в состояние безработицы (или для подвыборки экономически неактивных респондентов – в состояние неактивности). Эта переменная принимала 10 различных значений. Девять из них, в соответствии с 1-м уровнем структуры профессий по Международной стандартной классификации занятости (ISCO)¹³, описывали профессиональную принадлежность респондента за год до потери работы:

1. Руководители.
2. Специалисты высшей квалификации.
3. Специалисты средней квалификации.

---

¹² Однако неучтенными остаются важные проблемы, связанные с проблемой обратного влияния. [Goodman et al., 2011] показывают, что уровень субъективного благополучия в раннем возрасте значимо влияет на последующие достижения на рынке труда.

¹³ Военнослужащие были исключены из эмпирического анализа в силу специфики условий и характера занятости данной профессиональной группы.

4. Служащие.
5. Занятые в сфере обслуживания.
6. Квалифицированные работники с/х.
7. Квалифицированные рабочие.
8. Полуквалифицированные рабочие.
9. Неквалифицированные рабочие.

Значение «10» было выбрано в качестве базы для сравнения и обозначало тип занятости респондента. В случае оценивания регрессионной модели на подвыборке тех, кто в период t станет безработным, значение «10» означало безработицу. Аналогично при оценивании уравнения на подвыборке экономически неактивного населения значение «10» соответствовало ситуации экономической неактивности. Тем самым моделировалась ситуация попадания в ситуацию безработицы (или неактивности) из прошлогоднего состояния занятости в различных профессиональных группах. Подобное конструирование переменной при изучении влияния предшествующей профессиональной принадлежности безработных на самооценки при оценивании моделей с фиксированными эффектами было предложено [Hald Andersen, 2009] и протестировано на данных 14 волн панельного обследования BHPS.

На каждой из подвыборок респондентов были оценены две группы регрессионных моделей. В моделях Группы 1 в качестве регрессоров были включены такие характеристики, как возрастная группа, семейное положение¹⁴, уровень образования, самооценка здоровья¹⁵, тип населенного пункта, федеральный округ, дамми-переменные года наблюдения. Эти характеристики соответствуют традиционному набору параметров, которые контролируются при изучении различных явлений рынка труда.

В моделях группы 2, помимо уже названных регрессоров, была включена переменная нетрудового дохода респондента. Здесь важно отметить, что, согласно предшествующим исследованиям, материальное положение является одним из важнейших факторов субъективного социального статуса, и в исследованиях в качестве контролирующей переменной зачастую включается характеристика дохода респондента (зарплата, душевой доход или доход домохозяйства). Однако включение переменной зарплаты при изучении последствий перехода в безработицу невозможно (так как у безработных и экономически

---

¹⁴ Использовалась дамми-переменная, описывающая, состоит ли респондент в браке (неважно, зарегистрированы отношения или нет). Разведенные и вдовы респонденты, а также те, кто состоял в официально зарегистрированном браке, но не проживал совместно, были отнесены в категорию не состоящих в браке.

¹⁵ В качестве самооценки здоровья использовался ответ на вопрос «Были у Вас в течение последних 30 дней какие-либо проблемы со здоровьем?».

неактивных респондентов его значение равно нулю). Попытка включения в модель переменной среднедушевого размера дохода домохозяйства респондента, в свою очередь, приводит к значительной мультиколлинеарности данных. Это сопряжено с тем, что даже при наличии значительных нетрудовых доходов общая сумма всех доходов домохозяйства уменьшается на величину заработной платы индивида, потерявшего работу. Таким образом, переход в безработицу или экономическую неактивность сам по себе коррелирует с изменением среднедушевого дохода.

В настоящей работе в качестве меры материального положения респондента, теряющего работу, была включена переменная, описывающая натуральный логарифм его нетрудового дохода. Под нетрудовым доходом понималась сумма доходов, полученных домохозяйством респондента из всех источников за последние 30 дней. В период, предшествующий потере работы респондента, из данной суммы дополнительно вычиталась его заработная плата по основной работе. Показатель нетрудового дохода был дефлирован при помощи региональных индексов потребительских цен и приведен к ценам 2000 г.

Основное предположение настоящего исследования заключается в том, что потеря работы будет оказывать понижающее воздействие на самооценки социального положения. При этом исследовательский вопрос заключается в том, «с какой высоты падать больше?». Здесь возможны две альтернативные гипотезы.

Первая (H1.1) состоит в том, что для высококвалифицированных работников потеря работы скажется на представлениях о своем месте в обществе более болезненно, чем для низкоквалифицированных, так как для первых занятость сопряжена с более значительными репутационными эффектами, играющими важную роль при определении своего статуса в обществе.

Альтернативная ей гипотеза (H1.0) описывает большую уязвимость низкоквалифицированных работников, для которых занятость выступает единственным доступным механизмом занятия социального положения. При этом представители высококвалифицированных профессий будут в меньшей степени страдать из-за потери работы при прочих равных условиях, так как они обладают потенциально большим запасом денежных средств, который делает возможным формирование представлений о своем месте в обществе через альтернативные каналы (стиль жизни, потребление, хобби, благотворительность). Тем самым, согласно гипотезе H0, высококвалифицированные специалисты могут вообще не «падать» в своих самооценках при потере работы, а «зависать в воздухе».

Еще одна гипотеза исследования (H2) касается различий в воздействии на самооценки перехода в безработицу и экономическую неактивность. Можно предположить, что экономическая неактивность будет оказывать менее выраженное понижающее воздействие

на самооценки социального положения, так как переход в неактивность является скорее добровольным решением, отвечающим текущим целям и потребностям (выход на пенсию, создание семьи, воспитание детей, получение дополнительного образования).

6. Профессиональная структура безработных и экономически неактивных: кто в наибольшей степени рискует потерять работу?

Прежде чем переходить к изучению особенностей изменения самооценки социального положения при потере работы, важно представить картину того, представители каких профессий наиболее часто теряют работу на российском рынке труда. Для этого мы рассмотрим средние вероятности перехода из состояния занятости в безработицу и из состояния занятости в экономическую неактивность¹⁶ в 2000–2012 гг., а затем перейдем к более детальному изучению профессиональной принадлежности занятых, которые наиболее часто теряют работу.

Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2000–2012 гг., средняя вероятность перехода из статуса формального работника в статус безработного, рассчитанная на основе усредненной матрицы перехода, составляла 2% (табл. П1 Приложения). Эта цифра обозначает средний процент формальных работников, которые переходили в статус безработных в следующем периоде в 2000–2012 гг.¹⁷ Важно подчеркнуть, что сама по себе безработица не представляется однозначно тупиковым состоянием на рынке труда – в среднем более 40% безработных в следующем периоде находят формальную занятость. Еще 11% становятся нерегулярными работниками¹⁸. Тем не менее вероятность не найти работу в следующем

---

¹⁶ Показатели вероятности переходов используются для описания общей картины состояния российского рынка труда, не претендуя на охват всех связанных с данной тематикой сюжетов. Подробнейший анализ потоков рабочей силы на российском рынке труда представлен в [Гимпельсон, Шарунина, 2015].

¹⁷ Важно уточнить, что в рамках настоящего исследования формальная и неформальная занятость разделялись, так как предшествующие исследования продемонстрировали значимость различий как между различными типами неформальности, так и между неформальной и формальной занятостью в целом [Зудина, 2013]. Рассмотрение особенностей формирования потоков между различными типами занятости составляет отдельное исследовательское направление и выходит за рамки настоящей работы. Поэтому под занятостью здесь и далее понималась занятость на предприятиях по официальному договору или контракту.

¹⁸ Подобный тип занятости определялся как занятость тех, кто не имел основной работы, но был занят на протяжении последнего месяца и выделялся отдельно в качестве самостоятельного статуса на рынке труда. Несмотря на то что такие респонденты не воспринимали сами себя как занятые, их среднее число отработанных за прошедший месяц часов намного превышало критерий МОТ в 1 час в неделю, установленный для определения занятости индивида. Тем самым отнесение данной категории респондентов к группе экономически неактивных или безработных становилось методологически некорректным. Они не рассматриваются

периоде оказывается достаточно высокой. Так, риск остаться в состоянии безработицы составляет около 17%.

Теряли статус занятых и те, кто в следующем периоде уходил с рынка труда, т.е. перемещался в экономически неактивное состояние. Средний процент занятых такого типа в 2000–2012 гг. был не очень велик и составлял около 5%. В свою очередь, нерегулярные работники перемещались в экономическую неактивность гораздо интенсивнее – каждый третий в следующем периоде уходит с рынка труда. Экономическая неактивность, в свою очередь, представляет собой гораздо более стабильное состояние, чем безработица. Находясь за пределами рынка труда, вновь найти работу в следующем периоде удастся немногим, либо немногие этого хотят или на это решаются. В среднем лишь 8% экономически неактивных индивидов получают статус формально занятых в следующем периоде, еще около 4% становятся нерегулярными работниками. Средняя вероятность остаться в экономически неактивном состоянии составляет более 85%.

Обращает на себя внимание и тот факт, что поток из безработицы в неактивность носит более массовый характер, чем переход из неактивности в безработицу. В среднем треть безработных в следующем периоде отказываются от поисков работы. Можно предположить, что данный контингент представителей рынка труда составляют наименее способные и отчаявшиеся найти работу.

Описав основные характеристики потоков рабочей силы на российском рынке труда, обратимся к более подробному изучению потока из занятости в безработицу, а также из занятости в экономическую неактивность. На следующем этапе мы рассмотрели структуру безработных и экономически неактивных респондентов согласно их предшествующей профессиональной принадлежности.

Безработные

Проведенное исследование показывает, что за год до потери работы большинство безработных относились либо к занятым в сфере обслуживания (11–19%), либо к полуквалифицированным рабочим (11–27%) или неквалифицированным рабочим (15–26%) (табл. 1).

подробнее в данной работе, так как данные об их профессиональной принадлежности доступны не за весь период наблюдения.

Таблица 1. Профессиональная структура безработицы (2000–2012), РМЭЗ НИУ ВШЭ, % от всех безработных в конкретном году

Период безра- ботицы	Профессиональная принадлежность безработных в предшествующем периоде								
	Рук- ли	Спец. высш. квал.	Спец. средн. квал.	Служащ.	Занят. в сф. обсл.	Квалиф. с/х ра- ботн.	Квалиф. рабочие	Полуквал. рабочие	Неквал. рабочие
2001	3,7	7,4	8,6	7,4	17,3	1,2	13,6	21,0	19,8
2002	8,4	12,2	8,4	6,5	15,9	0,9	12,2	15,0	20,6
2003	4,0	5,1	12,1	8,1	16,2	0,0	14,1	15,2	25,3
2004	0,9	9,3	8,3	3,7	19,4	0,0	13,9	18,5	25,9
2005	5,1	7,1	11,2	7,1	14,3	0,0	9,2	26,5	19,4
2006	2,6	5,2	13,0	7,8	13,0	0,0	18,2	16,9	23,4
2007	3,7	3,7	13,4	7,3	14,6	1,2	15,9	18,3	22,0
2008	4,6	12,6	11,5	3,5	16,1	0,0	23,0	13,8	14,9
2009	3,5	6,1	14,0	13,2	12,3	0,0	16,7	19,3	14,9
2010	2,1	11,4	17,7	4,3	11,4	0,7	15,6	14,2	22,7
2011	4,5	5,2	18,7	4,5	19,4	0,0	15,5	15,5	16,8
2012	2,3	6,0	28,6	6,8	15,8	0,8	13,5	11,3	15,0

На протяжении анализируемого периода именно эти профессиональные категории стабильно аккумулировали тех, кто впоследствии потеряет работу. Помимо этого, во второй половине рассматриваемого периода к группе риска присоединились квалифицированные рабочие (14–23%), а также специалисты средней квалификации. Доля безработных, ранее относившихся к данной профессиональной группе, значительно увеличивалась с начала 2000-х годов – с 8 до 29%. Доля бывших представителей высококвалифицированных специальностей (управленцы и специалисты высшей квалификации) среди безработных оказывается намного ниже (2–8% и 5–13% соответственно). Мало представлены оказываются и квалифицированные работники сельского хозяйства, доля которых в профессиональной структуре составляет не более 1%. Таким образом, согласно дескриптивному анализу, безработица в основном аккумулируется среди специалистов средней квалификации и рабочих профессий.

Полученные результаты в целом согласуются с данными усредненной матрицы переходов, рассчитанной на основе РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2000–2012 гг. (табл. 2).

Таблица 2. Средние вероятности смены текущей профессиональной группы на рынке труда, включая переход в безработицу и экономическую неактивность (2000–2012), РМЭЗ НИУ ВШЭ, % от всех представителей профессиональной группы¹⁹

Статус на РТ в текущем периоде	Статус на РТ в следующем периоде										
	Рук-ли	Спец. высш. квал.	Спец. сред. квал.	Служащ.	Занят .в сф. обл.	Квалиф. с/х работники	Квалиф. рабочие	Полуквал. рабочие	Некв. рабочие	Безработн.	ЭНАН
Рук-ли	64,94	9,06	7,66	2,25	6,01	0,33	1,92	2,17	1,37	1,32	2,97
Спец. высш. квал.	3,08	81,38	7,73	1,15	0,78	0,04	0,85	0,33	0,44	0,84	3,37
Спец. сред. квал.	2,89	9,31	71,41	2,73	2,74	0,07	2,26	1,56	1,66	1,65	3,72
Служащ.	2,13	4,06	9,54	66,89	4,08	0,05	1,2	2,23	2,91	2,1	4,81
Занят. в сф. обл.	2,83	1,19	5,11	2,68	73,48	0,1	0,96	1,4	3,2	2,52	6,54
Квалиф. с/х работники	3,24	1,94	3,56	0,32	1,29	65,37	0,97	5,5	10,03	1,62	6,15
Квалиф. рабочие	1,07	1,34	3,36	0,62	1,2	0,07	73,11	9	4,03	2,14	4,06
Полуквал. рабочие	0,65	0,49	2,15	1,01	0,92	0,13	7,27	78,04	3,89	1,93	3,53
Некв. рабочие	0,54	0,5	2,76	1,82	3,17	0,36	4,98	5,41	68	3,13	9,33
Безработн.	2,51	6,52	13,88	7,69	15,38	0,5	15,05	20,4	18,06	0 ²⁰	0
ЭНАН	3,81	10,1	15,22	7,48	16,8	0,13	11,29	11,42	23,75	0	0

Наибольшая вероятность перехода в безработицу в следующем периоде оказывается характерна для неквалифицированных рабочих (3%), а также занятых в сфере обслуживания (2,5%). Сопоставляя результаты с профессиональной структурой занятого населения в России в 2000–2012 гг. (табл. П4 Приложения), можно заметить, что большая часть из перечисленных профессиональных категорий являются наиболее массовыми анклавами сосредоточения занятости. Так, представители рабочих профессий (группы 7–9) и занятые в сфере обслуживания (группа 5) составляют более 50% всей российской занятости.

Каковы особенности данных профессиональных групп с точки зрения социально-демографических характеристик? Каков портрет типичного безработного – выходца из различных профессий?

Согласно результатам дескриптивного анализа, мужчины составляют большую часть тех безработных, которые ранее были руководителями (58%) или относились к различным рабочим профессиям (56–90%) и квалифицированным работникам сельского

¹⁹ Рассматривались только переходы между профессиональными группами, а также состояниями занятости и безработицы, занятости и экономической неактивности.

²⁰ Показатель здесь и в соседнем столбце равен нулю, так как рассматривались только варианты смены профессиональной группы или перемещения в безработицу из занятости в определенной профессиональной группе (или из безработицы в занятость в определенной профессиональной группе).

хозяйства (табл. П2 Приложения). Женщины же составляют большинство безработных, ранее принадлежавших к категориям специалистов высшей и средней квалификации, служащих и занятых в сфере обслуживания (более 70%).

Доля жителей областных центров оказалась наибольшей среди безработных, которые ранее принадлежали к категориям работников высшей и средней квалификации, служащих (около 40%) и квалифицированных рабочих (около 33%). В городах чаще всего проживали бывшие руководители (46%), квалифицированные (29%) и полуквалифицированные рабочие (31%). Как и ожидалось, доля жителей сел и поселков городского типа оказалась наибольшей среди бывших квалифицированных работников сельского хозяйства (80%), однако здесь важно сделать уточнение, что безработица в данной категории работников наименее распространена. Доля жителей из сел и ПГТ также велика среди бывших полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих (около 40% и более), а также занятых в сфере обслуживания (33%). Доля жителей городов-столиц (Москва и Санкт-Петербург) оказалась наибольшей среди безработных, ранее принадлежавших к категории специалистов средней квалификации (21%), среди остальных категорий безработных доля жителей столиц была намного меньше (в среднем 5–10%). Последнее обстоятельство подтверждается данными официальной статистики о низких уровнях безработицы в городах столичного статуса.

Среди бывших представителей квалифицированных профессий доля индивидов с высшим образованием доминировала. Наибольшей она оказалась в категории безработных, ранее относившихся к группе специалистов высшей квалификации (57%), руководителей (40%), специалистов средней квалификации (38%) и служащих (25%). По мере снижения степени квалифицированности профессии доля безработных с высшим образованием также уменьшается. Так, среди бывших представителей рабочих профессий наиболее широко оказались представлены индивиды с полным средним образованием с законченным ПТУ (23–29%) или без законченного ПТУ (26–34%).

Практически во всех профессиональных группах среди безработных оказались наиболее представлены индивиды в возрасте 15–29 лет. Соответствующий показатель доли данной возрастной группы составлял 27–51% в зависимости от предшествующей профессиональной группы безработных. Данное обстоятельство может объясняться как сложностями вхождения на рынок труда для молодых людей, не имеющих необходимого опыта работы, так и более высокими показателями трудовой мобильности среди молодежи, которая стремится найти наиболее подходящие рабочие места. Исключением являлись категории бывших руководителей и квалифицированных работников сельского хозяйства, где самую значительную долю безработных составляли индивиды средних возрастов

(30–39 и 40–49 лет). Это согласуется с имеющимися данными о социально-демографическом портрете представителей данных профессий, зачастую сопряженных с предпринимательской деятельностью.

Экономически неактивные индивиды

Выше были описаны особенности потока рабочей силы, направленного из занятости в безработицу. Перейдем к изучению другого потока занятых, по тем или иным причинам теряющих работу, – тех, кто переходит в экономически неактивное состояние (табл. 3).

Проведенный анализ показывает, что экономически неактивные индивиды распределены по профессиональным группам в целом довольно равномерно.

По состоянию на 2012 г. среди экономически неактивного населения наиболее широко были представлены бывшие представители квалифицированных профессий – руководители и специалисты высшей квалификации, занятые в сфере обслуживания (около 12%), а также рабочие различной квалификации (около 10%). В 2012 г. относительно низкие показатели выхода с рынка труда были характерны для служащих (7%) и квалифицированных работников сельского хозяйства (5%).

Таблица 3. Профессиональная структура экономической неактивности (2000–2012), РМЭЗ НИУ ВШЭ, в % от всех ЭНАН

<i>Период экономической неактивности</i>	<i>Профессиональная принадлежность экономически неактивных в предшествующем периоде</i>								
	Рук-ли	Спец. высшквал.	Спец. сред. квал.	Служ.	Занят. в сф. обл.	Квалиф. с/х раб-отн. ²¹	Квалиф. рабочие	Полуквал. рабочие	Некв. рабочие
2001	7,4	5,6	7,1	9,9	6,8	10,5	10,4	7,6	7,1
2002	13,0	6,9	5,2	6,3	8,5	15,8	8,8	9,4	7,4
2003	7,4	8,1	6,7	5,7	6,6	5,3	8,8	7,9	6,5
2004	0,9	7,6	6,0	9,9	8,3	10,5	6,9	4,1	8,3
2005	9,3	6,6	8,3	9,4	6,2	0,0	6,9	8,9	8,3
2006	6,5	5,3	7,4	8,9	6,8	10,5	6,6	5,1	6,9
2007	12,0	8,4	9,5	7,8	7,2	5,3	8,0	8,9	7,5
2008	10,2	8,1	7,6	9,4	7,5	5,3	8,5	7,4	8,3
2009	2,8	8,9	8,8	7,8	8,3	10,5	7,7	11,5	8,8
2010	5,6	8,9	11,4	10,4	11,4	5,3	6,6	7,9	11,4
2011	13,0	13,2	11,2	7,3	10,8	15,8	11,0	10,7	9,4
2012	12,0	12,4	10,7	7,3	11,6	5,3	9,9	10,7	10,2

²¹ Значение вероятности перехода в состояние экономической неактивности по данной категории работников в разные годы крайне подвижно и объясняется небольшим размером соответствующих групп экономически неактивного населения.

В период 2000–2012 гг. показатель перехода в состояние экономической неактивности стабильно снижался только среди служащих (с 10 до 7 %). Доли представителей остальных профессиональных групп среди экономически неактивного населения увеличивались. Также отметим, что доля бывших работников сферы обслуживания и специалистов высшей квалификации в общей структуре экономической неактивности значительно выросла за анализируемый период (с 5–6% в 2000 г. до 12% в 2012 г.).

Дополнительную информацию предоставляют данные усредненной матрицы переходов, рассчитанной на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2000–2012 гг. (табл. 2). Так, наибольшая вероятность перехода в экономическую неактивность в следующем периоде оказывается характерна для неквалифицированных рабочих (9,3%), а также занятых в сфере обслуживания (6,5%) и квалифицированных работников сельского хозяйства (6%). Представители данных профессий чаще остальных уходили с рынка труда.

Можно заметить, что описанные выше результаты по вероятностям перехода в состояние экономической неактивности отличаются от распределения рисков безработицы, характерных для различных профессиональных групп. Прежде всего, бросается в глаза отсутствие выраженной концентрации рисков выхода с рынка труда преимущественно в рабочих профессиях²², которая была характерна для перехода в состояние безработицы.

Согласно результатам дескриптивного анализа мужчины составляют большую часть экономически неактивных, которые ранее принадлежали к таким профессиональным группам, как квалифицированные работники сельского хозяйства, квалифицированные рабочие и полуквалифицированные рабочие (70–80%) (табл. ПЗ Приложения). Во всех остальных профессиональных категориях среди тех, кто покинет рынок труда в следующем периоде, доминируют женщины. Наибольшей их доля является в таких профессиях, как занятые в сфере обслуживания (95%), служащие (90%), специалисты средней (78%) и высшей (75%) квалификации.

Доля жителей областных центров оказалась наибольшей среди представителей экономически неактивного населения, которые ранее принадлежали к категориям руководителей, специалистов высшей и средней квалификации, а также квалифицированных рабочих (более трети индивидов в каждой подгруппе). В городах чаще всего проживали бывшие квалифицированные и неквалифицированные рабочие (около 30%), а также руководители (27%). Подавляющее большинство бывших квалифицированных работников сельского хозяйства (68%) проживали в поселках городского типа или селах, доля выходцев из поселений данного типа также была велика среди бывших полуквалифицированных (47%)

---

²² Исключение составляет только группа неквалифицированных рабочих.

и неквалифицированных рабочих (37%), занятых в сфере обслуживания (37%) и служащих (38%). Бывшие руководители, специалисты высшей и средней квалификации часто оказывались жителями городов-столиц – соответствующие доли составляли около одной пятой представителей экономически неактивного населения в каждой из анализируемых профессиональных подгрупп.

Ожидаемо наличие высшего образования оказалось наиболее характерно для тех представителей экономически неактивного населения, которые ранее принадлежали к таким категориям, как специалисты высшей квалификации (63%) и руководители (43%). Среди бывших квалифицированных и полуквалифицированных рабочих наиболее широко оказались представлены индивиды с полным средним образованием и законченным ПТУ (23%) либо без законченного ПТУ (27–30%). Среди бывших неквалифицированных рабочих также наиболее часто встречались индивиды с неполным средним образованием или без образования (25%).

Экономически неактивные индивиды в возрасте 15–29 лет оказались в наибольшей степени представлены среди бывших занятых в сфере обслуживания (43%), специалистов средней квалификации (34%) и служащих (31%). Доля респондентов в старших возрастах оказывалась наибольшей среди бывших руководителей и специалистов высшей квалификации, а также представителей различных рабочих профессий, в среднем составляя в каждой из указанных подгрупп около 30%.

7. Динамика средних самооценок социального положения: профессиональные различия при потере работы

Как отмечалось выше, предшествующие исследования демонстрируют более низкие средние самооценки безработных и экономически неактивных по сравнению с занятым населением. Не является исключением и Россия. Анализ базы РМЭЗ ВШЭ показывает, что средние самооценки безработных и экономически неактивных зачастую оказываются ниже, чем соответствующие значения большинства занятых по всем трем отобранными индикаторам субъективного социального статуса. При этом представления о собственном материальном положении и власти неквалифицированных рабочих оказываются близки особенностям восприятия безработных и экономически неактивных респондентов, различия в средних между этими группами зачастую оказываются незначимыми²³. Наиболее высокие самооценки материального положения и власти ожидаемо оказались характерны для руко-

---

²³ Тем самым даже простое сравнение средних свидетельствует о нарушении базовой предпосылки о параллельности трендов, становится невозможным анализ при помощи оценивания методом разности разностей или двойной разности разностей.

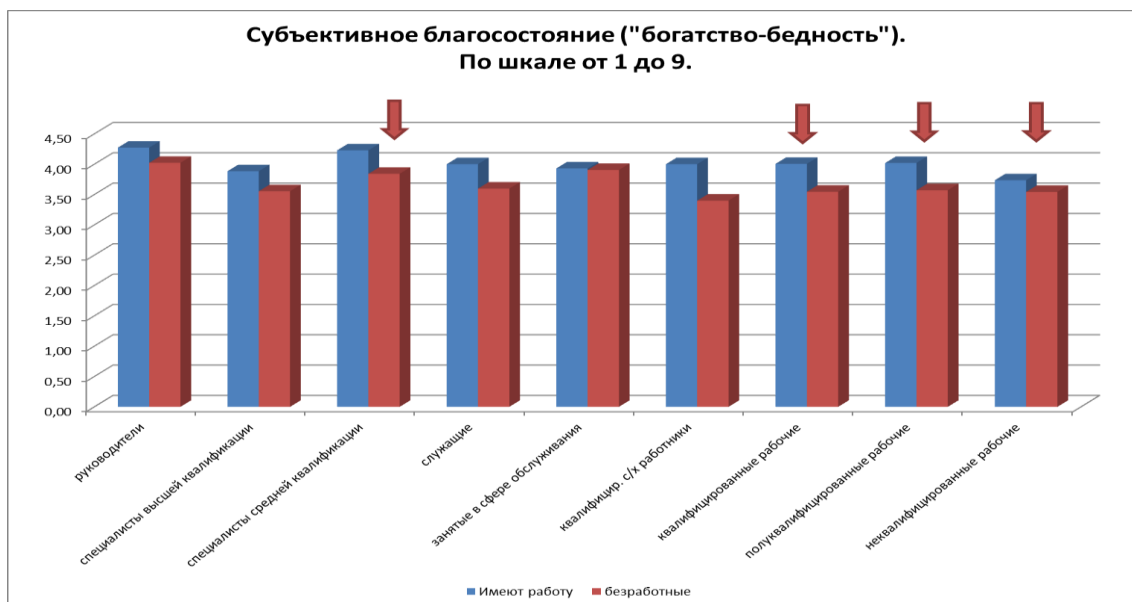
водителей. Остальные профессиональные группы располагаются на континууме между двумя данными полюсами. Однако важно отметить, что, несмотря на наличие выраженных различий в средних между профессиональными группами, все значения являются достаточно низкими.

Как было показано в [Зудина, 2013], самооценки уважения представляют собой отдельный атрибут восприятия собственного места в обществе. Средние значения по данному показателю характеризуются высокими значениями во всех рассматриваемых группах, включая безработных и экономически неактивных. По всей видимости, это свидетельствует о том, что представления об уважении к себе – тот оплот самоидентификации, от которого индивиды откажутся в последнюю очередь. Наиболее высокие средние вновь наблюдались в группе руководителей (6,3–7 баллов по 9-балльной шкале), однако среди безработных и неквалифицированных рабочих средние также располагались выше середины шкалы (5,7–6 баллов). При этом самооценки уважения представителей экономически неактивного населения оказываются значимо выше соответствующих показателей безработного населения, что соответствует результатам предшествующих исследований, согласно которым экономическая неактивность в некоторых случаях предполагает легитимные основания для незанятости в глазах общества (трудовая пенсия по старости, уход за ребенком).

Приведенные результаты отражают различия в средних самооценках между занятыми, безработными и экономически неактивными респондентами в данный момент времени, однако не могут свидетельствовать об изменениях, происходящих с восприятием респондентов при потере работы.

Ниже будут представлены результаты анализа динамики средних самооценок социального положения респондентов при потере работы в разрезе их последней профессиональной группы (рис. 1–6). Таким образом, сравнивались средние самооценки безработных и экономически неактивных респондентов в ситуации, когда они еще были заняты, и после потери работы.

Рассмотрим вначале соответствующие результаты по безработным индивидам.

Рис. 1. Средние значения самооценки материального благосостояния безработных в зависимости от предшествующей профессиональной группы до и после потери работы, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012

Анализ значимости динамики средних при помощи попарного *T*-теста показывает, что наиболее чувствительным индикатором самооценки социального положения при потере работы является самооценка уровня материального дохода (рис. 1). Значимые различия в динамике самооценок по профессиональным подгруппам помечены на рисунке «стрелками».

Согласно результатам исследования рабочие высшей, средней и низшей квалификации испытывают значимое падение самооценки материального благосостояния при потере работы, которое составляет 0,2–0,5 балла по 9-балльной шкале. Отметим, что это именно те категории работников, риск безработицы среди которых оказывается наиболее велик. Для безработных, ранее принадлежавших к категории специалистов средней квалификации, также оказывается характерна значимая негативная динамика средних самооценок уровня материального благосостояния (0,4 балла).

В остальных профессиональных группах значимой динамики в восприятии собственного уровня материального положения не наблюдается, различия в средних оценках оказываются незначимыми, несмотря на то, что средние значения в период безработицы всегда оказываются ниже тех, что наблюдались в ситуации занятости.

Важно отметить и то, что среди «будущих» безработных (занятых, которые потеряют работу в следующем периоде) нарушается принцип иерархии восприятия собственного социального положения. Так, самооценки материального положения специалистов высшей квалификации перед переходом в безработицу оказываются сходными со значениями показателей занятых в сфере обслуживания и служащих, а также близки показателям

квалифицированных и полуквалифицированных рабочих. В то же время у специалистов высшей квалификации и руководителей вообще отсутствует значимая динамика в восприятии собственного материального положения при переходе в состояние безработицы. На основе этого можно предположить, что рабочие места, занимаемые ими перед потерей работы, характеризуются более низким качеством по сравнению с рабочими местами аналогичных профессий со «стабильной занятостью»²⁴.

Рассмотрение средних самооценок власти безработных демонстрирует несколько иную картину, чем самооценка материального благосостояния (рис. 2).

По показателю самооценки власти наиболее уязвленными ситуацией потери работы оказываются специалисты средней квалификации и служащие. Наиболее глубокое падение самооценки власти отмечают последние – разница в средних оценках индивидов до и после потери работы составляет 0,5 балла по 9-балльной шкале. Значимое уменьшение уровня собственной власти отмечают и специалисты средней квалификации (0,3 балла). Среди руководителей значимого изменения средних самооценок власти при потере работы не наблюдается, что может служить индикатором небольшого размера бизнеса (возможно, основанного на собственном домохозяйстве), которыми они управляли до потери работы.

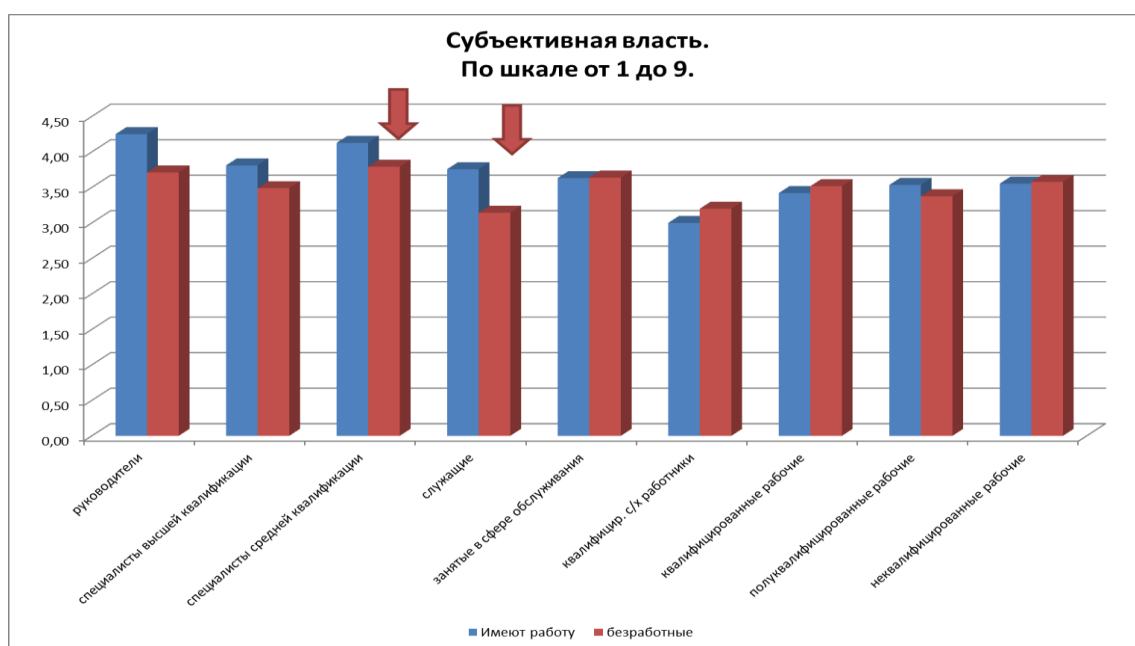

Рис. 2. Средние значения самооценки власти безработных в зависимости от предшествующей профессиональной группы до и после потери работы, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012

Безработные, которые до потери работы принадлежали к различным категориям рабочих профессий, также не демонстрируют значимого изменения уровня собственной власти. Данный феномен, скорее всего, объясняется тем, что занятость представителей рабо-

²⁴ Под «стабильными» имеются в виду рабочие места, занимаемые профессионалами с высшим образованием, которые не потеряют работу в следующем периоде.

чих профессий может быть в меньшей степени сопряжена с обладанием властными полномочиями. Однако обращает на себя внимание тот факт, что специалисты высшей квалификации при потере работы вновь не отмечают значимой динамики в самооценках. Согласно результатам сравнения средних оценок, они не испытывают значимого снижения субъективного уровня располагаемой власти. Это может служить дополнительным косвенным свидетельством того, что до потери работы представители данной профессии оказывались занятыми на «плохих» рабочих местах, либо сами представляли собой работников «низкого качества» (не обладали достаточной квалификацией и навыками для занятия данных рабочих мест).

По показателю самооценки уважения, испытываемого по отношению к себе со стороны других, наглядное ухудшение положения демонстрирует категория руководителей (самооценка падает при потере работы на 1 балл по 9-балльной шкале) (рис. 3). Некоторое ухудшение также наблюдается среди специалистов средней квалификации (самооценка ухудшается на 0,4 балла). Снижение самооценки уважения отмечается и среди неквалифицированных рабочих, однако оно значимо лишь на 10%-м уровне. Специалисты высшей квалификации вновь не демонстрируют значимой динамики в восприятии при переходе в статус безработных.

Рис. 3. Средние значения самооценки уважения безработных в зависимости от предшествующей профессиональной группы до и после потери работы, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012

Во всех остальных профессиональных группах потеря работы значимо не отражается на динамике средних самооценок уважения, хотя, как и при рассмотрении показателей самооценки материального благосостояния и власти, средние оценки после потери работы оказываются ниже тех, что наблюдались в ситуации занятости данных индивидов.

Рассмотрение динамики средних самооценок социального положения представителей экономически неактивного населения также приводит к интересным результатам. Так, динамика самооценок материального благосостояния респондентов, покинувших рынок труда, носит иной характер, чем у безработных (рис. 4). В отличие от ситуации перехода в безработицу значимое падение наблюдается в категориях бывших руководителей, а также специалистов высшей квалификации. Помимо этого самооценка снижается и среди специалистов средней квалификации, квалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Важно, что размер падения средней самооценки наиболее значителен среди бывших руководителей – составляет 0,4 балла по 9-балльной шкале. Средняя самооценка материального положения среди бывших специалистов высшей квалификации снижается на 0,3 балла, в остальных категориях экономически неактивного населения средняя субъективная оценка снижается на 0,2 балла.

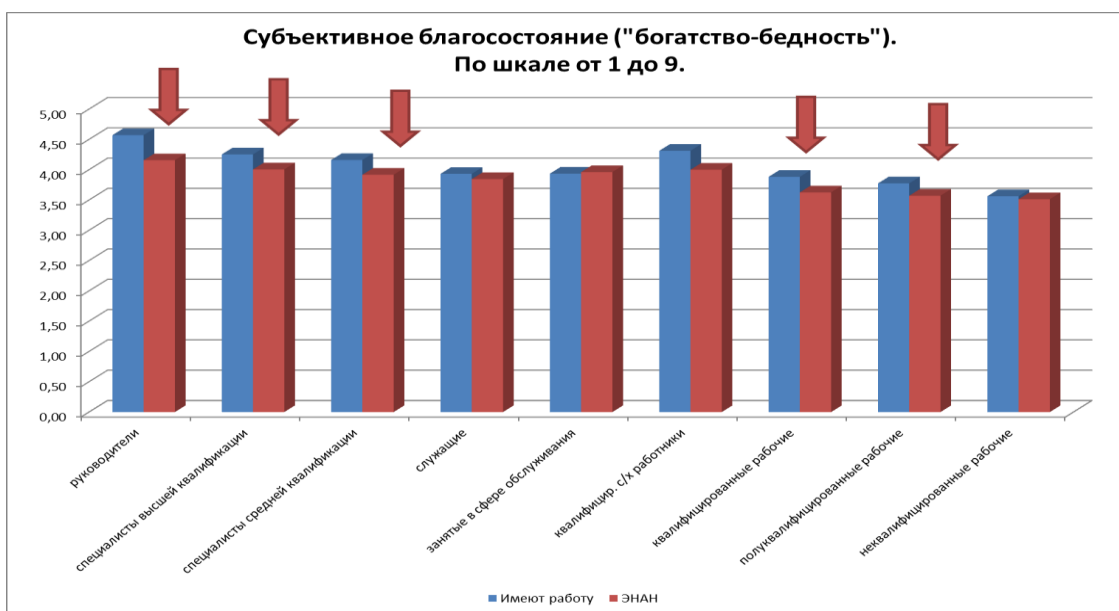

Рис. 4. Средние значения самооценки материального благосостояния экономически неактивных респондентов в зависимости от предшествующей профессиональной группы до и после потери работы, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012

В остальных профессиональных группах значимой динамики в восприятии собственного уровня материального положения при переходе в состояние экономической неактивности не наблюдается. Различия в соответствующих средних оценках являются незначимыми. Для бывших неквалифицированных рабочих отсутствие значимых различий в средних самооценках может объясняться тем, что уровень заработка, сопряженный с занятостью, невелик и сопоставим с уровнем нетрудовых доходов, обеспечивающих возможность ухода с рынка труда.

Рассмотрение динамики средних самооценок власти также демонстрирует отличительные черты состояния экономической неактивности (рис. 5).

С точки зрения данного показателя переход в состояние экономической неактивности представляется для большинства профессиональных категорий менее болезненным, если сравнивать связанную с ним динамику самооценок с последствиями получения статуса безработного. Уязвленными ситуацией потери работы оказываются только руководители (средняя самооценка в данной категории снижается на 0,7 балла). Отметим, что подобная динамика отсутствовала в принципе среди руководителей, перешедших в безработное состояние – снижение средней самооценки власти оказалось характерно лишь для специалистов средней квалификации и служащих.

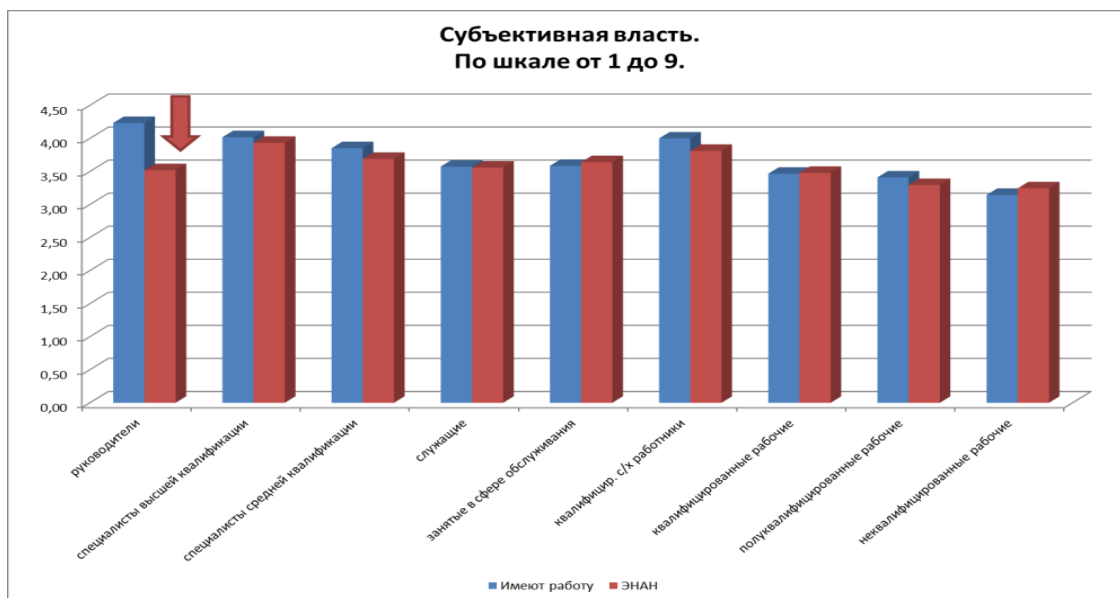
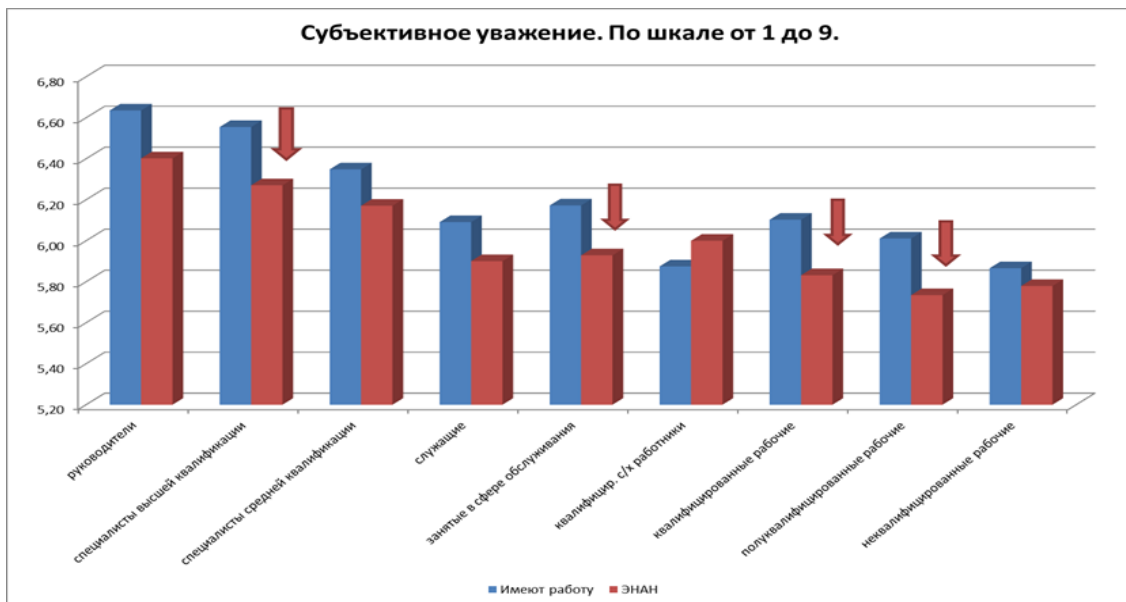

Рис. 5. Средние значения самооценки власти экономически неактивных респондентов в зависимости от предшествующей профессиональной группы до и после потери работы, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012

В остальных группах, включая рабочие профессии, при попадании в ситуацию экономической неактивности значимой динамики средних вообще не наблюдается. Это согласуется и с представленными выше результатами по дифференциации самооценок безработных, согласно которым властными полномочиями обладает лишь ограниченный круг профессий.

Значимое падение самооценки уважения при переходе в экономически неактивное состояние испытывают специалисты высшей квалификации, занятые в сфере обслуживания, квалифицированные и полуквалифицированные рабочие (во всех группах наблюдается падение на 0,3 балла по 9-балльной шкале) (рис. 6).

Рис. 6. Средние значения самооценки уважения экономически неактивных респондентов в зависимости от предшествующей профессиональной группы до и после потери работы, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012

Во всех остальных группах динамика средних самооценок незначима. Напомним здесь, что переход из состояния занятости в состояние безработицы сопровождался заметным падением самооценки уважения, характерным лишь для руководителей и специалистов средней квалификации. Подводя итог данной части анализа, можно сказать, что безработица и экономически неактивное состояние действительно сильно различаются с точки зрения своих последствий для самооценки индивида, несмотря на сходный «понижающий» эффект. Прежде всего, наблюдается значительная дифференциация в структуре профессиональных групп, представители которых отмечают потери в воспринимаемом социальном положении при потере работы. Значимые негативные последствия безработицы для восприятия своего статуса в большинстве случаев отмечают лишь специалисты средней квалификации и служащие, а уход с рынка труда наиболее остро переживается руководителями, специалистами высшей квалификации, квалифицированными и полуквалифицированными рабочими. Данные различия свидетельствуют о том, что потоки, направленные из занятости в состояния безработицы и экономической неактивности, различаются по характеризующей их структуре спроса на труд, занимаемым до потери работы рабочим местам и качеству накопленного человеческого капитала. Гимпельсон и Шарунина [2015] показывают, что российская безработица в настоящий момент зачастую является прибежищем наименее способных индивидов. С учетом представленных результатов можно предположить, что безработице зачастую предшествует занятость на рабочих местах «плохого качества», потеря которых значимо не влияет на восприятие своего положения в обществе как представителей высококвалифицированных профессий, так и работников

низкой квалификации. Тем самым происходит постепенный «самоотбор» индивидов в безработицу, и потеря работы сама по себе резким «шоком» не является.

В свою очередь, причины перехода в статус экономической неактивности более разнообразны. Среди бывших занятых есть те, для кого это – добровольное решение²⁵, отвечающее текущим устремлениям, к которому готовятся заранее, накапливая необходимый запас материальных ресурсов. Для таких работников переход в неактивность не сопряжен с выраженными потерями в воспринимаемом социальном положении. В то же время обращает на себя внимание общий низкий уровень самооценок по большинству отобранных индикаторов. Исходя из этого можно предположить, что незначимость динамики средних самооценок объясняется отсутствием принципиальных изменений в уровне жизни с переходом в неактивность, который и в ситуации занятости не был высоким. Но есть и те, для кого занятость является главной составляющей формирования представлений о своем месте в обществе. В соответствии с описанной выше альтернативной гипотезой, это преимущественно руководители, специалисты и рабочие, обладающие квалификацией. Уход с рынка труда для них сопряжен с большими репутационными потерями, вероятно, продиктован физической невозможностью продолжения занятости или проблемами со здоровьем. Потеря работы тем самым оказывается более болезненной для данных индивидов.

Отдельно следует отметить, что наиболее значимым элементом воспринимаемого социального положения при потере работы ожидаемо оказывается субъективное материальное положение. Выше уже отмечалось, что потеря средств к существованию, обеспечиваемых занятостью, является одной из наиболее существенных сфер проявления последствий потери работы для индивида. В настоящем исследовании самооценка материального благосостояния наиболее чутко реагировала на переход представителей различных профессиональных групп в состояния безработицы или экономической неактивности.

8. Размер падения субъективного социального статуса: проигрывают не все?

На следующем этапе исследования оценивались панельные регрессии с фиксированными эффектами. Напомним, что они позволяют проанализировать динамику самооценок социального положения, которая происходит в ответ на потерю работы представителями различных профессиональных групп. Еще одним достоинством моделей данного ти-

---

²⁵ Анализ причин прекращения занятости, доступный на данных РМЭЗ ВШЭ за период 2006–2012 гг., показывает, что наиболее распространенные причины ухода с рынка труда включают выход на пенсию, семейные обстоятельства и состояние здоровья. Среди безработных, в свою очередь, доминируют объяснения, связанные с низкой зарплатой, увольнениями и ликвидацией предприятия.

па является учет ненаблюдаемых индивидуальных характеристик, которые могут одновременно влиять на вероятность потери работы и на уровень самооценки собственного статуса.

В качестве зависимой переменной последовательно выступал один из трех индикаторов самооценки социального положения. Среди независимых переменных ключевое значение в контексте исследования имел показатель, при помощи которого описывались все возможные переходы респондентов из состояния занятости в различных профессиональных группах в состояние безработицы.

В качестве регрессоров в моделях Группы 1 были включены такие характеристики, как возраст, семейное положение, уровень образования, самооценка здоровья, тип населенного пункта, федеральный округ, дамми-переменные года обследования. В моделях Группы 2 в число регрессоров была дополнительно включена переменная, описывающая логарифм нетрудового дохода респондента, теряющего работу.

Рассмотрим вначале результаты оценивания моделей с фиксированными эффектами на подвыборке безработных (см. модели Группы 1 в табл. П5 Приложения). Результаты, касающиеся особенностей восприятия собственного материального положения, показывают, что при прочих равных условиях и контролировании индивидуальных ненаблюдаемых характеристик значимые различия в восприятии своего материального положения между состоянием занятости и безработицы наблюдаются лишь в отдельных профессиональных группах. Так, среди бывших представителей рабочих профессий различной квалификации при переходе в состояние безработицы самооценка снижается на 0,3–0,6 балла по 9-балльной шкале. Выделяются и категории бывших специалистов высшей и средней квалификации, также отметивших некоторое снижение самооценки материального благосостояния (на 0,4 балла, значимое в обеих группах только на 5%-м уровне). Данные результаты согласуются с данными дескриптивного анализа сравнения средних оценок, которые были представлены выше.

Оценивание панельных регрессий с фиксированными эффектами для показателей субъективной власти и уважения, в свою очередь, также подтвердили основные результаты предшествующих этапов эмпирического анализа. Значимое падение самооценки собственной власти (см. модели Группы 1 в табл. П5 Приложения) при потере работы испытывали бывшие служащие (на 0,5 балла по 9-балльной шкале). Негативная динамика также характеризовала и восприятие собственной власти бывших специалистов высшей (–0,4 балла) квалификации. Определенное снижение самооценки власти также характеризовало восприятие бывших полуквалифицированных рабочих и специалистов средней квалификации (на 0,3 балла в обеих группах), которое, тем не менее, было значимо только на уровне 10%.

Согласно результатам оценивания панельной регрессии при потере работы самооценка уважения подвергается значительной динамике только среди бывших специалистов средней квалификации (падение на 0,5 балла по 9-балльной шкале) (см. модели Группы 1 в табл. П5 Приложения). Здесь важно отметить, что восприятие специалистов средней квалификации при потере работы также характеризуется негативной динамикой по всем трем индикаторам субъективного социального статуса. Помимо этого определенные негативные изменения в восприятии уважения, испытываемого по отношению к себе со стороны других, испытывают руководители (-0,6 балла, однако оно значимо только на уровне 10%).

В таких профессиональных группах, как специалисты высшей квалификации, служащие, квалифицированные рабочие, потеря работы негативно не отражается на восприятии уровня уважения. Можно предположить, что это объясняется особенностями рабочих мест, занимаемых до потери работы, низкое качество которых не приводит к значительному падению самооценки уважения при потере работы при прочих равных условиях.

Обращает на себя внимание и тот факт, что представители профессиональных групп, в которых риск безработицы наиболее велик (занятые в сфере обслуживания, полуквалифицированные или неквалифицированные рабочие), редко характеризовались выраженной динамикой в восприятии собственного положения при потере работы. В соответствии с результатами предшествующих исследований это может объясняться «нормативностью» ситуации безработицы для представителей данных профессий, которая не приводит к резким шокам в самооценках социального положения. В свою очередь, высокие риски безработицы для специалистов средней квалификации, похоже, в новинку. Доля бывших специалистов средней квалификации в структуре безработицы в анализируемый период значительно возросла, и именно эта категория безработных характеризуется наиболее выраженной значимой негативной динамикой субъективного социального статуса при потере работы.

Включение в регрессионное уравнение показателя нетрудового дохода респондента, теряющего работу, позволило уточнить полученные результаты (см. модели Группы 2 в табл. П5 Приложения). Учет материального положения семьи наряду с другими индивидуальными характеристиками при прочих равных условиях приводит к тому, что представление о собственном материальном положении при переходе в безработицу ухудшается только у бывших квалифицированных и полуквалифицированных рабочих. При этом размер падения соответствующей самооценки среди квалифицированных рабочих составляет почти целый балл (без учета нетрудового дохода было выявлено падение самооценки на 0,5 балла), а размер падения среди полуквалифицированных рабочих по сравнению с моделью 1 не изменился.

Учет нетрудового дохода респондента полностью сводит на нет и влияние предшествующей профессиональной принадлежности на динамику самооценки власти, соответствующие коэффициенты при переходе в безработицу становятся незначимыми (см. модели Группы 2 в табл. П5 Приложения). По восприятию уровня уважения, испытываемого по отношению к себе со стороны других, различия между состояниями занятости и безработицы среди большинства респондентов также становятся незначимыми. Таким образом, самооценка собственного положения в обществе для будущих безработных в большей степени определяется материальным положением, чем фактом наличия или отсутствия занятости, вне зависимости от профессиональной принадлежности. В идеальной ситуации – при наличии неизменного нетрудового дохода – с точки зрения восприятия собственного статуса, различий между состояниями занятости и безработицы для тех, кто теряет работу, вообще нет.

Перейдем теперь к рассмотрению результатов оценивания моделей с фиксированными эффектами для подвыборки экономически неактивного населения (см. модели Группы 1 в табл. П6 Приложения). Результаты в целом подтверждают выводы, сделанные ранее на дескриптивном этапе.

Наблюдается выраженная негативная динамика в восприятии собственного материального положения среди руководителей (падение на 0,6 балла по 9-балльной шкале), специалистов высшей и средней квалификации, квалифицированных рабочих (-0,3 балла). Определенные негативные изменения характерны также для самооценки бывших полуквалифицированных рабочих (-0,2 балла), хотя они значимы только на 10%-м уровне. Результаты оценивания также не выявили значимых различий среди занятых в сфере обслуживания, служащих, квалифицированных работников сельского хозяйства, а также неквалифицированных рабочих при переходе в экономическую неактивность.

Выраженная значимая негативная динамика в восприятии собственной власти при прочих равных условиях при уходе с рынка труда оказалась характерна только для бывших руководителей (снижение на 0,8 балла по 9-балльной шкале). Специалисты высшей квалификации также отметили некоторое снижение самооценки (-0,2 балла), однако оно значимо лишь на уровне 10%. По показателю самооценки уважения, испытываемого по отношению к себе со стороны других, наиболее уязвленными оказались бывшие специалисты высшей и средней квалификации, квалифицированные рабочие, занятые в сфере обслуживания. Во всех этих группах экономически неактивного населения падение самооценки при уходе с рынка труда составляло 0,3 балла по 9-балльной шкале.

Включение в число контролирующих характеристик параметра нетрудового дохода респондента (см. модели Группы 2 в табл. П6 Приложения) приводит к исчезновению зна-

чимых различий между состояниями занятости и экономической неактивности для представителей большинства профессиональных групп. Значимые негативные последствия для восприятия собственного статуса при прочих равных условиях по всем индикаторам оказались характерны лишь для группы бывших руководителей. После ухода с рынка труда в данной группе самооценка материального благосостояния значимо снижается на 0,7 балла, самооценка власти – на 1,3 балла, самооценка уважения – на 0,7 балла (значимо на 10%-м уровне). В остальных группах различия между состояниями занятости и экономической неактивности носят сугубо эпизодический характер – бывшие полуквалифицированные работники отмечают снижение самооценки уважения на 0,6 балла после ухода с рынка труда. Выделяются категории экономически неактивного населения, в восприятии которых переход из занятости в неактивность при неизменном нетрудовом доходе сопряжен с выгодами. Среди них квалифицированные работники сельского хозяйства (самооценка материального положения значимо увеличивается на 2 балла, а субъективной власти – на 1,6 балла) и неквалифицированные рабочие (самооценка власти значимо возрастает на 0,3 балла).

Подводя итог анализа динамики самооценок представителей экономически неактивного населения, важно подчеркнуть один из основных выводов исследования: для индивидов, находящихся в группе риска потери работы, «деньги решают все». При наличии неизменного нетрудового дохода восприятие собственного статуса не зависит от того, занят индивид или нет. Исключение составляют лишь рабочие, становящиеся безработными – они занимают наиболее уязвимое положение на современном рынке труда, и руководители, покидающие рынок труда, чья занятость, по всей видимости, сопряжена со значительными репутационными эффектами для самооценки.

Заключение

В настоящей работе представлен сравнительный анализ динамики самооценок социального положения представителей различных профессиональных групп, происходящей при потере работы. При этом проводилось принципиальное различие между двумя возможными типами перехода из занятости в «незанятость»: переход в состояние безработицы и экономической неактивности. Исследование показало, что «социальный штраф» потери работы на современном российском рынке труда значительно различается в зависимости от «пункта прибытия» (безработица или неактивность), а также неравномерно распределен среди различных профессиональных групп.

Говоря о безработных, исходная исследовательская гипотеза, согласно которой рабочие низшей квалификации будут наиболее уязвимыми с точки зрения размера падения

своего воспринимаемого социального положения при потере работы, была опровергнута. По большинству проанализированных атрибутов субъективного социального статуса наиболее заметное значимое падение самооценки по всем трем индикаторам было выявлено среди бывших специалистов средней квалификации. Это объясняется тем, что в современной структуре занятости им зачастую не находится места. Для занятия рабочих мест, требующих высокой квалификации, они недостаточно образованны, а в рабочие профессии они идти не хотят.

Для самих представителей рабочих профессий негативная динамика самооценки социального положения при переходе в безработицу оказалась скорее не характерна. Примечательно, что именно в этих профессиональных группах сосредоточены относительные риски безработицы на российском рынке труда. Вероятно, благодаря высоким рискам безработицы наличие (или отсутствие) занятости не является для членов данных профессиональных групп ключевым фактором формирования представлений о своем месте в обществе, которые и так постоянно находятся на очень низком уровне.

Отсутствие значимых различий в остальных профессиональных группах, скорее всего, объясняется самоотбором работников на «плохие» рабочие места, который предшествует потере работы. Обращает на себя внимание низкий уровень самооценок социального положения, предшествовавший потере работы. Сами будущие безработные, вероятно, также обладают недостаточной компетентностью и навыками, что не позволяет им претендовать на другую работу. Тем самым дорога к безработице для таких работников вначале лежит через рабочие места низкого качества, и сама безработица уже не воспринималась как значимый шок, оказывающий сильное влияние на положение в обществе или представление о нем.

Рассмотрение перехода в экономическую неактивность продемонстрировало значимые содержательные отличия в последствиях данного перехода для самооценки статуса по сравнению с попаданием в безработицу. Так, было установлено, что уход с рынка труда характеризуется наиболее выраженными негативными последствиями для субъективного социального статуса среди бывших руководителей и работников высшей и средней квалификации. В соответствии с гипотезой, выдвинутой исследователями восприятия субъективного благополучия представителей различных профессий, это, вероятно, объясняется преимущественной ролью занятости и трудовых достижений в формировании самоидентификации данных профессиональных групп. Восприятие представителей других профессий, включая рабочих, значимо не изменяется в связи с уходом с рынка труда. Несмотря на то, что самооценки экономически неактивного населения в целом ниже, чем у занятого, данный переход при прочих равных условиях не сопряжен для них с драматическими

изменениями воспринимаемого социального положения. Это в целом согласуется с результатами предшествующих исследований, согласно которым переход в состояние экономическое неактивности в значительной степени определяется целями и предпочтениями самого индивида по прерыванию трудовой карьеры и не рассматривается в качестве «шока». Однако это также может косвенно свидетельствовать и об общем низком воспринимаемом социальном положении представителей данных профессий.

Исследование также показало, что наиболее важным аспектом социального положения, на который потеря работы влияет в первую очередь, является восприятие материального благосостояния. Именно этот индикатор самооценки социального статуса наиболее чутко реагировал на изменение положения представителей различных профессиональных групп на рынке труда. Можно предположить, что в идеальной ситуации, при которой занятые теряют место работы, но их уровень нетрудового дохода остается прежним, никаких значимых изменений в восприятии указанных категорий не происходит. Именно материальное положение вслед за собой дает основания для оценивания индивидом себя в пространстве уважения и власти. Это согласуется с результатами предшествующих исследований субъективного социального статуса, которые свидетельствуют об увеличении роли дохода в формировании субъективных представлений в течение последних десятилетий. Исследователи объясняют это его возросшей ролью в определении стиля жизни в контексте развития ценностей общества потребления [Lindemann, 2007]. Доход становится ключевой составляющей представлений о собственном месте в обществе и в европейских странах с высоким неравенством доходов [Lindemann, Saag, 2014]. Полученные результаты также подтверждаются и проводившимися в России исследованиями базовых ценностей, согласно которым для россиян характерна выраженная ориентация на конкурентные ценности богатства [Руднев, Магун, 2008]. Как это ни парадоксально, большое значение они приобретают среди представителей рабочих профессий, которые ради поддержания краткосрочной ориентации на «высокий» стиль жизни не делают никаких сбережений и вынуждены жить в долг [Каравай, Тихонов, 2015].

Библиография

1. *Абрамов Р.Н.* Социология профессий и занятий в России: обзор текущей ситуации // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 99–108.
2. *Бессуднов А.Р.* Социально-профессиональный статус в современной России // Мир России. 2009. № 2. С. 89–115.
3. *Гимпельсон В.Е., Шарунина А.В.* Потоки на российском рынке труда // Экономический журнал. 2015. № 3.
4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков / под ред. В.И. Добренькова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 256–308.
5. *Зудина А.А.* Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 3. С. 27–63.
6. *Каравай А.В., Тихонов А.А.* Особенности финансовых установок и поведения российских рабочих // Terra economicus. 2015. Т. 13. № 1. С. 89–106.
7. *Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36–46.
8. *Руднев М.Г., Магун В.С.* Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами: препринт WP6/2010/03. Серия WP6 «Гуманитарные исследования». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.
9. *Adler N. et al.* Relationship of Subjective and Objective Social Status with Psychological and Physiological Functioning: Preliminary Data in Healthy White Women // Health Psychology. 2000. Vol. 19. No. 6. P. 586–592.
10. *Barrett G.F., Kecmanovic M.* Changes in Subjective Well-being with Retirement: Assessing Savings Adequacy in Australia. Program for Research on Social and Economic Dimensions of an Aging Population (SEDAP) Research Paper No. 296. 2012.
11. *Bonsang E., Klein T.J.* Retirement and Subjective Well-Being. IZA DP No. 5536. 2011.
12. *Börsch-Supan A., Jürges H.* Early Retirement, Social Security and Well-Being in Germany. NBER Working Paper No. 12303. 2006.
13. *Broschak J.P., Davis-Blake A., Block E.* Nonstandard, not substandard: The relationship among work arrangements, work attitudes, and job performance // Work and Occupations. 2008. Vol. 35. No. 1. P. 3–43.
14. *Calvo E. et al.* Causal effects of retirement timing on subjective well-being: the role of cultural norms and institutional policies. 2011. IPP Documento de Trabajo No. 7.

15. *Carmines E.G., Stanley H.W.* The Transformation of the New Deal Party System: Social Groups, Political Ideology, and Changing Partisanship among Northern Whites, 1972–1988 // *Political Behavior*. 1992. Vol. 14. P. 213–237.
16. *Centers R.* The psychology of social classes: A study of class consciousness. Princeton: Princeton University Press, 1949.
17. *Chan T.W., Goldthorpe J.H.* Is There a Status Order in Contemporary British Society? Evidence From Occupational Structure of Friendship // *European Sociological Review*. 2004. No. 20. Vol. 5.
18. *Clark A.E.* Unemployment as a Social Norm: Psychological Evidence from Panel Data // *Journal of Labor Economics*. 2003. Vol. 21. P. 323–351.
19. *Clark A.E., Oswald A.J.* Unhappiness and Unemployment // *The Economic Journal*. 1994. Vol. 104. P. 648–659.
20. *Della Fave L.R.* The Meek Shall Not Inherit the Earth: Self-Evaluation and the Legitimacy of Stratification // *American Sociological Review*. 1980. Vol. 45. No. 6. P. 955–971.
21. *DiPrete T., McManus P.* 2000. Family Change, Employment Transitions, and the Welfare State: Household Income Dynamics in the United States and Germany // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 3. P. 343–370.
22. *Fineman S.* White Collar Unemployment. L.: Wiley, 1983.
23. *Goldman N. et al.* Measuring subjective social status: A case study of older Taiwanese. Office of Population Research Working paper series. 2005. Working Paper No. 2005-02. Princeton University.
24. *Goodman A., Joyce R., Smith J.P.* The long shadow cast by childhood physical and mental problems on adult life // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2012. Vol. 108. No. 15. P. 6032–6037.
25. *Gross M.* Educational systems and perceived social inequality: the institutional base for class formation // *European Societies*. 2003. Vol. 2. No. 5. P. 193–225.
26. *Hald Andersen S.* Unemployment and Subjective Well-Being: A Question of Class? // *Work and Occupations*. 2009. Vol. 36. No. 1. P. 3–25.
27. *Hetschko C. et al.* Changing Identity: Retiring from Unemployment. SOEP papers on Multidisciplinary Panel Data Research. 2011. No. 399.
28. *Hepworth S.* Moderating factors of the psychological impact of unemployment // *Journal of Occupational Psychology*. 1980. Vol. 53. P. 139–145.
29. *Hout M.* How Class Works in Popular Conception: Most Americans Identify with the Class Their Income, Occupation, and Education Implies for Them // *Social Class: How Does it Work?* / D. Conley, A. Laureau (eds). N. Y.: Russell Sage Foundation, 2008.

30. *Jackman M.R., Jackman R.W.* An interpretation of the relation between objective and subjective social status // *American Sociological Review*. 1973. Vol. 38. P. 569–582.
31. *Jahoda M.* *Employment and Unemployment: A Social-Psychological Analysis*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1982.
32. *Johnson M.K. et al.* Judgments about work: Dimensionality revisited // *Work and Occupations*. 2007. Vol. 34. No. 3. P. 290–317.
33. *Kelley J., Evans M.D.R.* Class and class conflict in six Western nations // *American Sociological Review*. 1995. Vol. 60. P. 157–78.
34. *Kessler R.C., Cleary P.D.* Social class and psychological distress // *American Sociological Review*. 1980. Vol. 45. P. 463–78.
35. *Kessler R., House J.S., Blake Turner J.* Unemployment and Health in a Community Sample // *Journal of Health and Social Behaviour*. 1987. Vol. 28. P. 51–59.
36. *Kluegel J.R., Singleton R., Starnes C.E.* Subjective class identification: a multiple indicator approach // *American Sociological Review*. 1977. Vol. 42. P. 599–611.
37. *Knabe A., Ratzel S.* Scarring or Scaring? The Psychological Impact of Past Unemployment and Future Unemployment Risk // *Economica*. 2011. Vol. 8. P. 283–293.
38. *Laumann E.O., Senter R.* 1976. Subjective Social Distance, Occupational Stratification, and Forms of Status and Class Consciousness: A Cross-national Replication and Extension // *American Journal of Sociology*. 1976. Vol. 81. No. 6. P. 1304–1338.
39. *Leggett J.C.* Working-Class Consciousness, Race, and Political Choice // *American Journal of Sociology*. 1963. Vol. 69. P. 171–76.
40. *Lewis L.* Class and the Perception of Class // *Social Forces*. 1964. Vol. 4. No. 3. P. 336–340.
41. *Lindemann K.* The Impact of Objective Characteristics on Subjective Social Position // *Trames*. 2007. Vol. 11. P. 54–68.
42. *Lindemann K., Saar E.* Contextual effects on subjective social position: Evidence from European countries // *International Journal of Comparative Sociology*. 2014. Vol. 55. P. 3–23.
43. *Mavridis D.* Can Subjective Well-Being Predict Unemployment Duration? 15th IZA European Summer School in Labor Economics Conference Materials. 2012. <http://www.iza.org/conference_files/SUMS2012/mavridis_d7639.pdf>.
44. *Newman K.* *Falling From Grace: Downward Mobility in the Age of Affluence*. Berkeley, CA: University of California Press, 1999.
45. *Payne R, Warr P., Hartley J.* Social class and psychological ill-health during unemployment // *Sociology of Health and Illness*. 1984. Vol. 6. No. 2. P. 152–174.

46. *Settersten R.A.* Time, Age, and the Transition to Retirement: New Evidence on Life Course Flexibility? // *International Journal of Aging and Human Development*. 1998. No. 47. P. 177–203.
47. *Shepelak N.J.* The Role of Self-Explanations and Self-Evaluations in Legitimizing Inequality // *American Sociological Review*. 1987. Vol. 52. No. 4. P. 495–503.
48. *Singh-Manoux A. et al.* Subjective social status: its determinants and its association with measures of ill-health in the Whitehall II study // *Social Science & Medicine*. 2003. Vol. 56. No. 6. P. 1321–1333.
49. *Sorokin P.A.* Social and Cultural Mobility. N. Y.: Free Press, 1959.
50. *Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J-P.* Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, Paris, 2009.
51. *Strully K.W.* Job loss and health in the US labor market // *Demography*. 2009. Vol. 46. No. 2. P. 221–246
52. *Weber M.* Class, status and party // *Class, status and power* / R. Bendix, S.M. Lipset. N. Y.: Free Press, 1966.
53. *Whelan C.T.* Social Class, Unemployment, and Psychological Distress // *European Sociological Review*. 1994. Vol. 10. No. 1. P. 49–61.
54. *Winkelmann L., Winkelmann R.* Why are the Unemployed So Unhappy? Evidence from Panel Data // *Economica*. 1998. Vol. 65. No. 257. P. 1–15.
55. *Wooldridge J.M.* *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*. Cambridge, MA; L., UK: The MIT Press, 2002.
56. *World Development Report 2013: Jobs*. World Bank. 2012. Washington, DC: World Bank.
57. *Young C.* Losing a Job: The Nonpecuniary Cost of Unemployment in the United States // *Social Forces*. 2012. Vol. 91. No. 2. P. 609–634.

Приложение

Таблица П1. Средние вероятности перехода в другой статус на рынке труда (2000–2012), РМЭЗ НИУ ВШЭ, %

<i>Статус в текущем периоде</i>	<i>Статус в следующем периоде</i>			
	Занятые	Безработные	Нерегулярная занятость	Экономически неактивное население
Занятые	90,6	2,0	2,1	5,3
Безработные	42,1	17,3	10,6	30,1
Нерегулярная занятость	30,5	6,3	34,1	29,2
Экономически неактивное население	8,1	2,7	3,8	85,4

Таблица П2. Социально-демографические характеристики безработных респондентов, которые были заняты в предыдущей волне опроса, согласно предшествующей профессиональной принадлежности, %

	<i>Профессиональная принадлежность безработных респондентов в предшествующем периоде</i>								
	Руководители	Спец. высш. квал.	Спец. сред. квал.	Служ.	Занят. в сф. обл.	Квалиф. с/х работн.	Квалиф. рабочие	Полуквал. рабочие	Неквал. рабочие
<i>Пол</i>									
мужчины	58,3	29,6	28,3	15,5	14,1	100,0	90,1	80,5	56,3
женщины	41,7	70,4	71,7	84,5	85,9	0,0	9,9	19,5	43,7
<i>Тип поселения</i>									
областной центр	22,9	41,8	37,4	42,9	32,2	0,0	32,8	20,0	25,6
город	45,8	16,3	23,5	27,4	25,6	20,0	28,7	31,2	25,2
ПГТ + село	20,8	30,6	17,7	19,1	32,7	80,0	29,7	43,7	39,0
Москва и Санкт-Петербург	10,4	11,2	21,4	10,7	9,6	0,0	8,9	5,1	10,2
<i>Образование</i>									
неполное среднее и ниже	2,1	1,0	6,4	9,5	7,1	60,0	12,5	13,5	22,1
неполное среднее +ПТУ	0,0	0,0	1,1	3,6	3,5	0,0	7,8	5,1	5,5
полное среднее	14,6	15,3	15,5	23,8	27,8	0,0	32,3	34,0	26,4
полное среднее +ПТУ	4,2	2,0	8,6	14,3	29,8	20,0	27,1	28,8	23,2
среднее профессиональное	39,6	24,5	30,5	23,8	21,2	0,0	12,5	10,7	14,2
высшее	39,6	57,1	38,0	25,0	10,6	20,0	7,8	7,9	8,7

<i>Возраст</i>									
15–29	13,2	26,8	46,7	44,1	50,7	0,0	35,3	31,8	33,2
30–39	21,1	20,7	22,5	22,1	24,3	50,0	19,3	22,2	26,0
40–49	31,6	23,2	17,5	19,1	16,9	50,0	22,7	28,4	21,6
50–59	23,7	20,7	11,7	10,3	7,4	0,0	20,0	15,9	16,4
60+	10,5	8,5	1,7	4,4	0,7	0,0	2,7	1,7	2,9
<i>Семейное положение</i>									
в браке/есть партнер	81,3	58,1	62,8	57,1	57,8	40,00	63,0	71,6	56,9
нет партнера (включая разведенных, вдовых и проживающих отдельно)	18,8	41,8	37,2	42,9	42,2	60,00	37,0	28,4	43,1

Таблица ПЗ. Социально-демографические характеристики экономически неактивных респондентов, которые были заняты в предыдущей волне опроса, согласно предшествующей профессиональной принадлежности, %

	<i>Профессиональная принадлежность безработных респондентов в предшествующем периоде</i>								
	Рук-ли	Спец. высш. квал.	Спец. средн. квал.	Служ.	Занят. в сф. обл.	Квалиф. с/х ра-ботн.	Квалиф. рабочие	Полуквал. рабочие	Неквал. рабочие
<i>Пол</i>									
мужчины	42,59	24,62	21,9	9,9	5,42	68,42	81,59	74,81	40,63
женщины	57,41	75,38	78,1	90,1	94,58	31,58	18,41	25,19	59,37
<i>Тип поселения</i>									
областной центр	33,33	32,74	31,9	26,56	29,59	21,05	33,79	22,65	24,93
город	25,93	19,04	22,38	23,44	24,95	10,53	31,04	24,17	26,65
ПГТ + село	23,15	30,2	28,1	38,02	36,75	68,42	30,22	47,07	36,81
Москва и Санкт-Петербург	17,59	18,02	17,62	11,98	8,7	0	4,95	6,11	11,61
<i>Образование</i>									
неполное среднее и ниже	1,85	1,27	6,19	11,46	13,73	26,32	16,48	18,83	24,77
неполное среднее +ПТУ	1,85	0	0,95	2,6	1,74	5,26	10,71	10,43	7,15
полное среднее	15,74	11,17	23,1	27,08	29,21	26,32	27,2	31,55	29,4
полное среднее +ПТУ	6,48	2,28	7,14	14,58	21,47	5,26	22,53	22,65	14,57
среднее профессиональное	31,48	22,08	37,14	28,65	23,79	10,53	18,13	13,99	16,42
высшее	42,59	63,2	25,48	15,63	10,06	26,32	4,95	2,54	7,68
<i>Возраст</i>									
15–29	6,17	17,06	34,15	31,1	42,64	26,67	18,06	16,5	18,69
30–39	22,22	12,97	18,6	12,8	14,96	6,67	13,19	17,48	11,97
40–49	20,99	9,22	13,41	10,98	15,96	13,33	12,85	16,83	13,44
50–59	25,93	23,21	18,9	29,88	18,2	26,67	29,86	26,86	28,03
60+	24,69	37,54	14,94	15,24	8,23	26,67	26,04	22,33	27,87
<i>Семейное положение</i>									
в браке/есть партнер	69,16	69,97	67,94	72,77	76,94	68,42	74,65	75,83	63,23
нет партнера (включая разведенных, вдовых и проживающих отдельно)	30,84	30,03	32,06	27,23	23,06	31,58	25,35	24,17	36,77

Таблица П4. Профессиональная структура занятости, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012, % от всех занятых

Профессиональная группа	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Руководители	6,33	7,5	7,08	5,37	5,66	5,6	5,43	6,59	4,72	4,77	4,35	4,39	4,95
Специалисты высш. квалификации	16,55	16,98	16,41	17,27	16,97	15,51	16,57	17,81	16,56	17,2	18,7	17,89	18,32
Специалисты средн. квалификации	14,94	14,54	15,99	15,58	16,03	16,99	16,9	15,66	17,37	17,5	18,04	19,09	19,43
Служащие	5,59	5,69	6,28	6,47	5,8	5,99	6,28	5,75	6,07	5,78	5,47	6,04	5,9
Занятые в сфере обслуживания	10,86	10,49	10,13	11,33	10,94	11,59	11,62	11,5	12,41	13,07	13,41	12,55	12,38
Квалиф. с/х работники	0,72	0,54	0,57	0,51	0,51	0,54	0,48	0,41	0,37	0,33	0,39	0,36	0,37
Квалифицированные рабочие	14,54	13,83	13,7	13,38	13,96	14,1	13,84	14,38	13,62	13,14	12,8	12,57	12,82
Полуквалиф. рабочие	18,48	17,93	17,55	16,88	17,99	17,33	16,68	15,69	16,14	14,85	15,39	15,77	14,68
Неквалифицированные рабочие	12	12,5	12,28	13,21	12,13	12,35	12,2	12,21	12,74	13,35	11,46	11,35	11,15

Таблица П5. Модели с фиксированными эффектами, безработные, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012

	Модели Группы 1						Модели Группы 2					
	Субъективное благосостояние		Субъективная власть		Субъективное уважение		Субъективное благосостояние		Субъективная власть		Субъективное уважение	
	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.
<i>Предшествующая профессиональная группа</i>												
руководители	0,17	0,28	0,45	0,34	0,64*	0,34	0,04	0,52	-0,45	0,59	0,75	0,79
специалисты высшей квалификации	0,35**	0,18	0,42**	0,22	0	0,2	0,41	0,34	0,10	0,35	-0,7*	0,40
специалисты средней квалификации	0,37**	0,15	0,32*	0,17	0,49***	0,17	0,05	0,35	-0,24	0,32	0,10	0,38
служащие	0,29	0,25	0,47**	0,21	0,09	0,21	0,30	0,48	0,39	0,47	-0,09	0,37
занятые в сфере обслуживания	0,08	0,13	0,12	0,16	0,15	0,15	-0,10	0,27	-0,42	0,37	-0,12	0,33
квалифицир, с/х работники	10,24	0,81	-0,19	0,99	0,48	0,67	-		-		-	
квалифицированные рабочие	0,45***	0,12	-0,02	0,15	0,13	0,18	0,88***	0,28	-0,03	0,29	0,07	0,44
полуквалифицированные рабочие	0,56***	0,13	0,33*	0,15	0,1	0,14	0,5*	0,27	-0,04	0,28	0,07	0,42
неквалифицированные рабочие	0,34***	0,11	0,11	0,13	0,25	0,15	0,46	0,29	0,07	0,31	0,19	0,35
<i>Безработные</i>	<i>базовый</i>						<i>базовый</i>					
Число наблюдений	2113		2082		2046		976		961		961	
Число групп	1070		1064		1062		678		670		670	
Within r2	0,06		0,04		0,05		0,13		0,11		0,11	
Sigma u	10,21		10,37		10,46		1,43		1,75		1,69	
Sigma e	10,12		10,27		10,28		1,13		1,24		1,26	
Rho	0,54		0,54		0,57		0,62		0,67		0,64	

Примечания.

1. В моделях Группы 1 контролируются возрастная группа, уровень образования, самооценка здоровья, семейное положение, федеральный округ проживания, тип поселения, годовые дамми-переменные.
2. В моделях Группы 2 к числу контролируемых переменных добавляется логарифм нетрудового дохода респондента.
3. * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.

Таблица П6. Модели с фиксированными эффектами, экономически неактивное население, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012 гг.

	Модели Группы 1						Модели Группы 2					
	Субъективное благо- состояние		Субъективная власть		Субъективное уважение		Субъективное благо- состояние		Субъективная власть		Субъективное уважение	
	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.	Коэф.	Ст. ош.
<i>Предшествующая проф- фессиональная группа</i>												
руководители	0,66***	0,16	0,81***	0,19	0,32*	0,18	0,7**	0,30	1,26***	0,36	0,7*	0,40
специалисты высшей квалификации	0,31***	0,09	0,21*	0,11	0,29**	0,11	0,11	0,18	0,06	0,23	0,25	0,22
специалисты средней квалификации	0,29***	0,08	0,14	0,11	0,28***	0,1	-0,02	0,15	0,04	0,18	0,28	0,20
служащие	0,035	0,11	-0,02	0,13	0,13	0,14	-0,07	0,25	-0,07	0,29	0,26	0,34
занятые в сфере обслуживания	-0,03	0,08	-0,02	0,09	0,25**	0,1	-0,14	0,17	0,01	0,18	0,26	0,19
квалифицир. с/х работники	0,33	0,46	0,31	0,47	-0,11	0,39	-2,2***	0,22	-1,63***	0,30	-	
квалифицированные рабочие	0,25**	0,1	0,11	0,11	0,31***	0,12	-0,25	0,22	0,05	0,24	0,25	0,25
полуквалифицированные рабочие	0,18*	0,09	0,07	0,11	0,18	0,11	-0,07	0,19	0,00	0,20	0,6***	0,21
неквалифицированные рабочие	0,06	0,06	-0,05	0,07	0,09	0,08	-0,16	0,14	-0,27*	0,15	0,11	0,20
<i>ЭНАН</i>	<i>базовый</i>						<i>базовый</i>					
Число наблюдений	5221		5162		5080		2388		2361		2328	
Число групп	2545		2535		2523		1607		1597		1573	
Within r2	0,03		0,02		0,03		0,06		0,06		0,06	
Sigma u	10,23		10,36		10,52		1,40		1,62		1,61	
Sigma e	10,09		10,27		10,31		1,09		1,24		1,32	
Rho	0,56		0,53		0,57		0,62		0,63		0,60	

Примечания.

1. В моделях Группы 1 контролируются возрастная группа, уровень образования, самооценка здоровья, семейное положение, федеральный округ проживания, тип поселения, годовые дамми-переменные.
2. В моделях Группы 2 к числу контролирующих переменных добавляется логарифм нетрудового дохода респондента.
3. * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.

Zudina, Anna A.

Job loss: occupational differences in subjective social status dynamics [Electronic resource] : Working paper WP3/2015/06 / A. Zudina ; National Research University Higher School of Economics. – Electronic text data (1 Mb). – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2015. – (Series WP3 “Labour Markets in Transition”). – 52 p. (In Russian.)

Numerous economic, sociological and psychological studies show that job loss leads to the major decline of social position measured by various indicators like income level, subjective well-being, life chances, job-search abilities. Job loss also leads to the serious downfall of subjective social status. However the connection between job loss and subjective social status dynamics remains to be insufficiently investigated. Thus little is actually known about the differences in perceptions of social position decline that come as a result of occupation-specific characteristics of previous employment. Given the considerable heterogeneity of employment itself, the effect of previous occupation membership on subjective social status dynamics in case of job loss may differ considerably. So the question occurs: for which occupational groups job loss is more painful in terms of subjective social status decline? Do unemployment transition and labour market exit differ in terms of its consequences for subjective social status decline for various occupational groups? Present study was conducted on the basis of the Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS – HSE) for 2000–2012 and focuses on the role of previous occupation engagement on the dynamics of subjective social status of the unemployed and out of labour force individuals. Empirical stage of analysis included both descriptive measures (transition probabilities matrices analysis, comparisons of occupation-specific subjective social status means before and after job loss, identification of occupations with higher probabilities of job loss) and estimations of panel regression models with fixed effects. Results presented clarify the social penalty of job loss for various occupations on the Russian labour market and position of occupational groups in a modern Russian society.

Key words: subjective social status, social stratification, unemployment, worker flows, occupations, panel data, RLMS – HSE

Препринт WP3/2015/06
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Зудина Анна Алексеевна

**Динамика субъективного социального статуса
при потере работы: анализ профессиональных различий**